

АКАДЕМИЯ ГЕНЕРАЛЬНОЙ ПРОКУРАТУРЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ:
ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Сборник статей

Часть I

Москва • 2011

УДК 340
ББК 67.0
А43

А43 **Актуальные проблемы юридической науки и практики: взгляд молодых ученых:** сб. статей (по материалам Второй научно-практической конференции молодых ученых Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, проведенной 25 июня 2010 г.): [в 2 ч.] / [под ред. О.С. Капинус]; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2011. – Ч. I. – 108 с.

В сборнике представлены выступления и тезисы выступлений участников конференции молодых ученых, проведенной в Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации 25 июня 2010 г.

Предназначен для работников органов прокуратуры, а также преподавателей и студентов юридических вузов.

УДК 340
ББК 67.0

© Академия Генеральной прокуратуры
Российской Федерации, 2011

**Уважаемые участники конференции,
уважаемые присутствующие!**

Позвольте мне поблагодарить всех молодых ученых, откликнувшихся на приглашение принять участие во второй научно-практической конференции «Актуальные проблемы юридической науки и практики: взгляд молодых ученых», которая организована Советом молодых ученых Академии и научными объединениями по специальностям 12.00.09 и 12.00.11.

Приятно отметить, что конференция вызывает значительный интерес у молодых ученых Академии, о чем свидетельствует большое количество выступающих, заявленных в программе, среди которых не только аспиранты, но и научные сотрудники Академии, имеющие ученую степень кандидата юридических наук. Не могу не обратить внимания на разнообразие запланированных к обсуждению докладов, посвященных дискуссионным теоретическим и прикладным проблемам прокурорского надзора, уголовного права, криминологии, уголовного процесса, гражданского права, что является безусловным достоинством конференции.

Хотела бы пожелать всем участникам конференции молодых ученых плодотворной работы. Надеюсь, что взгляд молодых ученых обогатит современную юридическую науку России.

Проректор по научной работе
Академии Генеральной прокуратуры
Российской Федерации
О.С. Капинус

Е.А. Басулин,
аспирант Академии
Генеральной прокуратуры
Российской Федерации

**Проблемы взаимодействия прокурора, органов,
осуществляющих оперативно-розыскную деятельность,
и органов предварительного расследования при выявлении
преступлений коррупционной направленности**

При расследовании любого преступления с момента возбуждения уголовного дела и до его направления прокурором в суд большое значение имеет взаимодействие прокурора, органов предварительного расследования и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. Основой этого вида деятельности является закрепленная законами Российской Федерации за обозначенными органами государства обязанность реализации правоохранительной функции.

Необходимость и значимость использования именно такого понятия, как взаимодействие прокурора, органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, и органов предварительного расследования, особенно по уголовным делам о коррупционных преступлениях, на наш взгляд, вызваны несколькими обстоятельствами.

Налаженное и рациональное взаимодействие прокурора, следователя и органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, является одним из важнейших условий, обеспечивающих успешное выявление, раскрытие и расследование преступлений, в том числе и преступлений коррупционной направленности.

Взаимодействие в борьбе с преступностью предполагает наличие определенного режима; поддержание этого режима в заданном состоянии; постоянное его совершенствование в целях обеспечения большей эффективности непосредственной правоохранительной деятельности.

Взаимодействие является одной из функций управленческой деятельности, оно обеспечивает разделение труда и согласованность действий, позволяет экономить силы, средства, время. С его помощью реализуются задачи, которые невозможно решить разрозненными, разобщенными действиями.

Под субъектами взаимодействия в данном контексте понимаются прокурор, следователь, дознаватель, сотрудник органа, осуществляющего ОРД, руководители следственного органа и органа дознания.

С этой точки зрения, важным моментом для определения сущности взаимодействия прокурора, органов предварительного расследования и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, в выявлении, раскрытии и расследовании преступлений, в том числе и коррупционной направленности, является уяснение принципов, которые лежат в основе осуществления взаимодействия. К ним прежде всего следует отнести:

1) исполнение законов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности, направленной на решение задач применительно к преступлениям коррупционной направленности;

2) исполнение законов при осуществлении производства по уголовному делу. Содержание данного принципа выражается в приоритете и безусловном исполнении уголовно-процессуального закона всеми должностными лицами органов, осуществляющих ОРД, дознание и предварительное следствие, а также прокурорами. Последние согласно Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (далее – УПК РФ) наделены полномочиями осуществления надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия на досудебных стадиях уголовного судопроизводства;

3) обеспечение прав и свобод человека и гражданина в ходе уголовного преследования. Сущность этого принципа заключается в обеспечении неотвратимости наказания за совершенные преступления с тем, чтобы выявление, раскрытие и расследование преступлений коррупционной направленности и, соответственно, уголовное преследование лиц, совершивших такие преступления, стало реальным правозащитным средством человека и гражданина, общества и государства от преступных посягательств.

Взаимодействие субъектов применения уголовно-процессуальных и оперативно-розыскных средств имеет различные формы проявления. Так, в зависимости от стадий уголовного процесса взаимодействие имеет свои особенности при возбуждении уголовного дела и в последующем в ходе предварительного расследования. Изучение уголовных дел показывает, что раскрыть преступление коррупционной направленности только процессуальным путем невозможно, и для успешного расследования уголовного дела необходимо четко налаженное и согласованное

взаимодействие следственных органов и органов дознания, сочетание процессуальных и оперативно-розыскных форм получения доказательств и установления истины по делу. В то же время нынешнее состояние правопорядка диктует необходимость повышения эффективности взаимодействия деятельности правоохранительных органов.

Так, по многим преступлениям коррупционной направленности необходимо проводить длительные оперативные разработки с целью выявления и изобличения всех соучастников (членов организованных преступных формирований), способов легализации незаконно полученного имущества или денег и пр.

Это подтверждается результатами анкетирования прокуроров, согласно которому на вопрос: «Как часто результаты ОРД становятся поводом и основанием к возбуждению уголовных дел о коррупционных преступлениях», – ответы распределились следующим образом:

- часто – 76%;
- иногда – 24%;
- редко – 0%.

При этом 100% опрошенных отметили, что, на их взгляд, имеются проблемы при предоставлении результатов ОРД следователю, дознавателю, прокурору или в суд по делам о коррупционных преступлениях. Чаще всего проблемы заключаются в следующем:

- неправильное оформление результатов ОРД – 48%;
- несвоевременное предоставление результатов ОРД – 39%;
- нарушения процедуры передачи результатов ОРД – 73%.

На стадии предварительного расследования важно организовать так называемое оперативное сопровождение сбора доказательств, их проверки, производство всех процессуальных и следственных действий. Многие лица, совершившие преступления коррупционной направленности, в ходе расследования ведут себя дерзко, препятствуют установлению всех обстоятельств преступления, а также выявлению и доказыванию всех эпизодов преступной деятельности, преступлений, вступают в сговор, угрожают свидетелям и потерпевшим и т.д. В связи с этим применение оперативно-розыскных средств должно обеспечивать безопасность участников уголовного судопроизводства и информированность следователя о

готовящемся и осуществляемом противостоянии со стороны подозреваемых, обвиняемых, их родственников, друзей и знакомых¹.

Однако в этом случае следователь не обладает полномочиями по контролю над действиями, осуществляемыми оперативно-розыскными органами, в отличие от прокурора, который в силу своих полномочий осуществляет надзор за исполнением законов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности.

На наш взгляд, такое своеобразное положение прокурора определяется прежде всего системой, назначением и целями органов прокуратуры, которые закреплены в ст. 1 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – Закон о прокуратуре).

Так, прокуратура Российской Федерации – единая федеральная централизованная система органов, осуществляющих от имени Российской Федерации надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, действующих на территории Российской Федерации.

Также обозначена и цель осуществления надзора за соблюдением законов – это обеспечение верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства.

Особая роль прокурора также обусловлена его правовым положением, а именно:

прокурор выступает в роли должностного лица, на которого государством возложена обязанность по реализации идеи о неотвратимости ответственности и наказания за совершенное преступное деяние²;

прокурор осуществляет надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия (ч. 1 ст. 37 УПК РФ);

прокурор осуществляет надзор за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности (ст. 21 Федерального закона от 12.08.1995 № 144 «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД));

---

¹ *Басманов Н., Саттаров В.* Единство действий – залог успеха // *Законность.* 2009. № 3.

² См.: *Кобзарев Ф.М.* Координационная деятельность прокуратуры в борьбе с организованной преступностью // *Организованная преступность, терроризм, коррупция в их проявлениях и борьба с ними / под ред. А.И. Долговой.* М., 2005. С. 96.

прокурор лично принимает некоторые решения по уголовному делу (о передаче уголовного дела от одного органа предварительного расследования другому, о направлении уголовного дела в суд и т.д. (ч. 2 ст. 37 УПК РФ)).

Взаимодействие следует отличать от координации правоохранительных органов по борьбе с преступностью по следующим характеристикам.

Взаимодействие органов предварительного расследования и органов, осуществляющих ОРД, при ведении уголовного преследования осуществляется исключительно для обеспечения полного, всестороннего и объективного установления конкретного события преступления, выявления лица или лиц, его совершивших; для достижения на этой основе выполнения назначения уголовного судопроизводства по каждому делу, направленному прокурором в суд для разрешения его по существу, т.е. для вынесения судом законного, обоснованного и справедливого приговора, определения или постановления. Указанное взаимодействие осуществляется в соответствии с установленными федеральными законами полномочиями соответствующего правоохранительного органа, а также руководящей ролью прокуратуры по обеспечению законности при осуществлении процессуальной деятельности органов дознания и органов предварительного следствия.

Координация правоохранительных органов по борьбе с преступностью есть организационная деятельность этих органов по согласованию мероприятий организационного и процессуального характера, которые позволяют исключить дублирование в работе правоохранительных органов, повысить эффективность и результативность в организации борьбы с преступностью. Деятельность эта осуществляется на основе соблюдения равенства всех участников.

Взаимодействие органов предварительного расследования и органов, осуществляющих ОРД, по ведению уголовного преследования осуществляется на основе уголовно-процессуального законодательства только уголовно-процессуальными способами и средствами. Прокурор, являясь процессуальным руководителем предварительного расследования уголовных дел в форме дознания, осуществляя уголовно-процессуальное руководство и надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия, организует уголовное преследование на досудебных стадиях уголовного судопроизводства посредством реализации своих пол-

номочий в строгом соответствии с установленным порядком и на основаниях, предусмотренных УПК РФ.

Координация правоохранительных органов по борьбе с преступностью осуществляется на основе Положения о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью (утв. Указом Президента Российской Федерации от 18.04.1996 № 567). Подавляющее большинство координационных форм деятельности правоохранительных органов носит чисто организационно-функциональный характер. Все восемь основных направлений согласования, предусмотренных Положением о координационной деятельности правоохранительных органов, не касаются процессуальной или оперативно-розыскной деятельности государственных правоохранительных органов.

Прокурор, обеспечивая координацию деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, выступает не как руководитель организационной деятельности правоохранительных органов, а как организатор согласования по соответствующим направлениям и в установленных организационных формах, решения по которым принимаются самостоятельно каждым ведомством. Правом надзора за неукоснительным исполнением этих решений прокурор в соответствии с Законом о прокуратуре не наделен.

На вопрос: «Считаете ли вы, что уполномоченный прокурор должен быть инициатором взаимодействия органов, осуществляющих ОРД, и органов предварительного расследования при выявлении, раскрытии и расследовании коррупционных преступлений», ответы прокуроров распределились следующим образом:

да – 98%;
нет – 2%.

На вопрос: «Считаете ли Вы, что организация взаимодействия прокурора с органами предварительного расследования и органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность по преступлениям коррупционной направленности, является составной частью организации прокурорского надзора», ответы прокуроров распределились следующим образом:

да – 65%;
нет – 35%.

Такое распределение мнений показывает, что они не всегда понимают разницу между взаимодействием, координацией и надзорными функциями прокурора.

Исходя из этого, считаем возможным применительно к преступлениям коррупционной направленности уточнить позицию тех ученых, которые считают, что в зависимости от этапов прокурор уполномочен на проведение такого взаимодействия в следующих формах:

1) прокурор осуществляет надзор за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности при выявлении и установлении лиц, совершивших преступления коррупционной направленности и оперативно-розыскной разработкой таких лиц¹;

2) прокурор в ходе досудебного производства проверяет исполнение требований федерального закона при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях всеми правоохранительными органами и обеспечивает посредством своих полномочий решение вопроса об уголовном преследовании лиц, нарушивших уголовное законодательство;

3) прокурор в организации предварительного расследования при соединении в одном производстве уголовных дел, подследственных разным органам предварительного расследования, определяет подследственность и разрешает споры о подследственности с соблюдением правил, установленных ст. 151 УПК РФ. Соединение уголовных дел в этом случае производится на основании постановления прокурора;

4) в организации расследования уголовных дел и при осуществлении ОРМ в связи с расследованием этих дел прокурор устраняет нарушения законности посредством реализации своих полномочий, в том числе требует от органов дознания, дознавателей, руководителей следственных органов и следователей устранения нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе дознания и проведения предварительного следствия. Прокурор осуществляет процессуальное руководство следствием и дознанием независимо от ведомственной принадлежности органов, осуществляющих ОРД и расследование преступлений;

5) при производстве уголовного преследования, при осуществлении надзора за исполнением законов органами, осуществляющими ОРД, дознание и предварительное следствие, прокурор обеспечивает единообразное и безусловное исполнение требований уголовно-процессуального закона о сборе, проверке и оценке доказательств в целях обеспечения предмета доказывания по уголовному делу, в том числе и использовании результатов ОРД,

---

¹ См.: Жук О.Д. Использование результатов оперативно-розыскного преследования. М., 2010.

выведенных и оформленных как доказательства в соответствии с уголовно-процессуальными правилами доказывания;

б) при поступлении уголовных дел с обвинительным заключением или обвинительным актом при наличии законных оснований прокурор возбуждает государственное обвинение путем утверждения обвинительного заключения (обвинительного акта) и направления данного уголовного дела в суд для рассмотрения и разрешения¹.

Таким образом, по нашему мнению, сущность и содержание взаимодействия прокурора, органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, и органов предварительного расследования при выявлении преступлений коррупционной направленности можно определить как объективно необходимую, координируемую прокурором по времени, форме и результатам, согласованную по промежуточным задачам и конечной цели совместную деятельность прокурора, следователя, дознавателя, органа дознания, органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, каждый из которых реализует свои процессуальные и профессиональные функции.

К.С. Беломестнова,
аспирант Академии
Генеральной прокуратуры
Российской Федерации

**Отставание в психическом развитии,
не связанное с психическим расстройством:
понятие и уголовно-правовое значение**

Устанавливая возраст уголовной ответственности, законодатель исходит из презумпции достижения лицом к этому возрасту достаточного уровня развития, чтобы осознавать характер своих действий и их запрещенность. Однако темпы психического развития у подростков различны. Возможно значительное отставание в развитии некоторых из них, не связанное с психическим расстройством. В связи с этим в ч. 3 ст. 20 Уголовного кодекса

---

¹ См.: *Крюков В.Ф.* Уголовное преследование и прокурорский надзор за исполнением законов при расследовании уголовных дел в условиях реформирования системы прокуратуры Российской Федерации / СПС «КонсультантПлюс».

Российской Федерации (далее – УК РФ) установлено правило, в соответствии с которым, если лицо хотя и достигло указанного в законе возраста, но не обладает необходимыми психофизическими свойствами, позволяющими ему правильно оценивать свое поведение, оно не подлежит уголовной ответственности.

Данная норма крайне трудна для практического применения. Одна из главных причин – отсутствие официального толкования рассматриваемого понятия.

Открытым остается вопрос, идет ли речь об особых психофизиологических (биологических) вариантах развития подростков, о состояниях, вызванных социальными факторами, или о своеобразном сочетании первого со вторым. Очевидно одно: указанные состояния не могут быть обусловлены психическими расстройствами. Поэтому, как указывает ряд авторов, «предметность» данного вопроса лежит не в области права, а в сфере возрастной, подростковой и юношеской психологии и отчасти психиатрии.

Уголовный закон требует, чтобы между отставанием в развитии и болезнью психики не было никакой связи. Это обыденная для современного уголовного права ситуация. Исходя из сказанного, мы можем условно выделить «нормальную» форму отставания в психическом развитии и «аномальную», при которой применение ч. 3 ст. 20 УК РФ исключается.

Отставание в психическом развитии несовершеннолетних как уголовно-правовая категория по своему внутреннему содержанию представляет собой социально-психологический феномен. Через отрицание это явление описывается в законе – оно не должно иметь никакой связи с психическим расстройством. В связи с этим необходимо рассмотреть психические заболевания, которых не должно быть в случае применения ч. 3 ст. 20 УК РФ.

В настоящее время накопилось большое число публикаций, посвященных распространенности психических расстройств. Однако точных данных об этом ни в одной стране мира нет, что обусловлено трудностями с учетом больных, находящихся вне поля зрения психиатров. Между тем считается, что примерно 20% всего населения земного шара страдает психическими расстройствами. Причем не менее 5% населения страдает от серьезных психических расстройств, поддающихся клинической квалификации (диагнозу), и еще не менее 15% населения страдает

«от менее серьезных», но потенциально инвалидизирующих форм психических расстройств¹.

Уголовный закон выделяет хроническое и временное психическое расстройство, а также слабоумие и иное болезненное состояние психики. Психическое расстройство представляет собой патологию какой-то одной стороны психики, а болезненное состояние – патологию психической деятельности в целом.

По устойчивости психические расстройства могут быть хроническими и временными. Для хронических характерно медленное развитие, непрерывность и длительность процесса, тенденция к углублению патологии (шизофрения, маниакально-депрессивный психоз, паранойя, прогрессивный паралич как следствие сифилиса мозга, прогрессирующее старческое слабоумие и другие болезни). Временные же представляют собой быстро протекающие проявления патологии, обычно чередующиеся с нормой (алкогольный психоз, белая горячка, патологическое опьянение). Временный характер расстройств вовсе не означает их меньшую опасность по сравнению с хроническими. По силе и последствиям они вполне сопоставимы друг с другом. Причем если отдельные заболевания носят хронический характер (паранойя), то другие имеют как хроническую, так и временную природу (шизофрения), а третьи могут проявляться лишь временно (сумеречное помрачение сознания)².

Относительно психических расстройств несовершеннолетних следует выделить и ряд наследственных заболеваний, связанных с так называемыми генными или хромосомными поломками (повреждение хромосом; генные нарушения). А некоторые медицинские энциклопедии выделяют так называемые психические болезни детства (детский аутизм, гиперкинетическое расстройство с отвлекаемостью), которые с возрастом могут ослабевать или даже исчезать.

Что касается болезненных состояний психики, которые характеризуют аномальную задержку в развитии, в законе одна конкретная форма – слабоумие. Однако, по мнению многих авторов, данное понятие устарело. Это обусловлено тем, что в Международной статистической классификации психических и поведенческих

---

¹ Пронина Л.А. Эпидемиология психических расстройств у детей. Общая постановка вопроса и значение проблемы [Электронный ресурс]: www.otrok.ru/medbook/listmed/epid.htm (дата обращения 10.04.2010).

² Душкина Е.О., Плешаков А.М. Отставание в психическом развитии несовершеннолетнего как основание для исключения уголовной ответственности. М., 2008. С. 104.

расстройств (10-го пересмотра) используются другие термины: умственная отсталость, недостаточность. Умственная отсталость, слабоумие или олигофрения – различные формы стойкого, малообратимого упадка психической деятельности с поражением интеллекта и необратимыми изменениями личности человека. Основным проявлением этого состояния является тотальный интеллектуальный дефект, приводящий к социальной дезадаптации.

В юридической литературе нередко встречается точка зрения, что ч. 3 ст. 20 УК РФ распространяется на умственно отсталых подростков. Иначе говоря, игнорируется положение о том, что согласно Международной статистической классификации психических и поведенческих расстройств это болезненное состояние является одной из форм психического расстройства. При таком понимании ч. 3 ст. 20 УК РФ лишена всякого смысла – речь идет об отставании в психическом развитии, связанном с психическим расстройством и ограничивающем способность подростка в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, то есть отражает содержание ст. 22 УК РФ¹.

Более того, это ошибочное мнение отражено в рекомендациях высшего судебного органа страны. Согласно постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14.02.2000 № 7 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» указывается, что основанием назначения экспертизы для решения вопроса о возрастной невменяемости является наличие данных, свидетельствующих об умственной отсталости несовершеннолетнего². Аналогично этот вопрос трактуется и в ряде Комментариев к УК РФ. Считается, что ч. 3 ст. 20 УК РФ в первую очередь распространяется на «умственно отсталых подростков, интеллектуальное развитие которых не соответствует возрасту»³.

Для уголовного законодательства, ориентированного на нормы международного права, положение о том, что умственная отсталость – это болезнь, принципиально. Такого рода различия способны привести к бессмысленности существования института, предусмотренного ч. 3 ст. 20 УК РФ.

---

¹ Васькэ Е.В. Эволюция преступности несовершеннолетних в России: психолого-правовой анализ. М., 2009. С. 377.

² БВС РФ. 2000. № 4.

³ См., напр.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. Ю.И. Скуратова, В.М. Лебедева. М., 2000 // СПС «КонсультантПлюс».

Иные болезненные состояния психики – это те, которые не вызываются душевной болезнью, исключительными состояниями или олигофренией, но сопровождаются различными временными нарушениями психики. К ним относятся острые галлюцинаторные бредовые состояния, вызванные инфекцией (например, при брюшном и сыпном тифе или при острых отравлениях), тяжелыми травмами, опухолями мозга, наркоманией (в период абстиненции – наркотического голодания), лунатизме и в некоторых других случаях.

Необходимо решить еще один вопрос – об инфантилизме. При нем мышлению свойственна незрелость, поверхностность, отсутствие обдумывания, обсуждения и анализа. В уголовно-правовой литературе нередко инфантилизм отождествляют с задержкой психического развития. Но это неправильно, поскольку инфантилизм понятие обобщенное. В отношении ч. 3 ст. 20 УК РФ нас интересует инфантилизм без признаков патологии: личностный, социальный, гармоничный.

Проанализируем обычный «нормальный» вариант отставания в развитии.

Исходя из данных по судебной психиатрии, проявления отставания в психическом развитии достаточно разнообразны: кроме интеллектуальной недостаточности и незрелости психики встречаются также нарушения поведения и воли, эмоциональной сферы. У таких лиц не сформированы критические способности и способности адекватно прогнозировать последствия своих действий. Возникновение указанного состояния формируется под воздействием следующих факторов:

1) педагогическая запущенность. Для нормального развития подростка большое значение имеют условия его воспитания. Дети, воспитанием и развитием которых никто не занимается, дети, выросшие в детских домах, малокультурных семьях, часто отстают в интеллектуальном отношении от своих сверстников. Подобное наблюдается и при недостатке внимания, любви и заботы. Также временная психическая задержка развития может появиться из-за длительной разлуки с родителями и близкими, если подросток долгое время находится в больницах и санаториях («госпитализм»);

2) неправильное воспитание. В этом случае родители чрезмерно опекают ребенка, не позволяют ему самому вырабатывать способы самозащиты, нормальные для его возраста. Такие дети являются эгоцентричными, капризными, невыносимыми, беспо-

мощными, они стремятся к сочувствию и признанию, при этом проявляют неоправданные амбиции и претензии. Несмотря на то что для их возраста у них нормальный интеллект, подростки плохо приспособлены к реальной жизни. Это состояние в судебной психиатрии именуется «синдром единственного ребенка»;

3) «сенсорная депривация» (слепота, глухота, глухонмота). Сами по себе указанные дефекты не являются психическими расстройствами и не обязательно приводят к отставанию в психическом развитии. Это происходит, если сенсорная депривация не была своевременно выявлена, в результате чего ребенок был лишен специального обучения и воспитания.

Ф.С. Сафуанов, ссылаясь на ряд исследователей данного вопроса (Кудрявцев, Печерникова), в генезе отставания в психическом развитии выделяет также соматические заболевания, перенесенные ребенком в раннем детстве, которые могут отразиться на психическом развитии, если они протекали в длительной или тяжелой форме. При этом может наблюдаться не только отставание в психическом развитии, но и олигофрения (психическое расстройство)¹.

Также выделяются и такие факторы, как родовая травма головного мозга, недоношенность.

Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского в своем информационном письме «О применении ч. 3 ст. 20 УК РФ» указал, что категория «отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством», представляет собой экспертное понятие, психологическое содержание которого составляет личностная незрелость².

Дискуссионный вопрос затронут в работах Е.И. Цымбала – вопрос о наличии отставания в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, в тех случаях, когда у несовершеннолетнего имеется то или иное психическое расстройство. По его мнению, использованная законодателем формулировка ч. 3 ст. 20 УК РФ допускает два различных ее толкования.

Узкое – наличие любого психического расстройства исключает возможность постановки вопроса о возрастной невменяемости.

Широкое – установление возрастной невменяемости возможно и при наличии у несовершеннолетнего психического рас-

---

¹ Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе. М.: Гардарики, 1998.

² Информационное письмо «О применении ч. 3 ст. 20 УК РФ». М., 2004. С. 3.

стройства, не исключающего вменяемости, если имеющееся у него отставание в психическом развитии непосредственно не связано с этим психическим расстройством¹. Диспозиция самой ч. 3 ст. 20 УК РФ не позволяет отдать предпочтение одному из приведенных толкований. Но с учетом того, что уголовная ответственность лиц с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости, регулируется специальной нормой – ст. 22 УК РФ – более предпочтительным представляется узкое толкование².

Таким образом, все перечисленные причины образуют понятие «отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством», если они: 1) носят временный характер, т.е. при правильном воспитании и обучении (при социальном инфантилизме) и лечении (при соматических заболеваниях) задержка развития является обратимой; 2) не связаны с психическими расстройствами.

К.Е. Бельский,
аспирант Академии
Генеральной прокуратуры
Российской Федерации

Основные проблемы применения уголовной ответственности за преступления, совершаемые в исключительной экономической зоне и на континентальном шельфе Российской Федерации

Федеральный закон от 30.11.1995 № 187-ФЗ «О континентальном шельфе Российской Федерации» (далее – Закон о континентальном шельфе) и Федеральный закон от 17.12.1998 № 191-ФЗ «Об исключительной экономической зоне Российской Федерации» (далее – Закон об исключительной экономической зоне) в настоящее время являются одними из основных юридических актов Российской Федерации в области международного морского права, принятыми в соответствии с ратифицированной Россий-

---

¹ Цымбал Е.И., Дьяченко А.П. Возрастная невменяемость: теория и практика применения // Уголовное право. 2000. № 3. С. 44.

² Цымбал Е.И. Экспертная оценка отставания в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством: методич. рекомендации. Ч. 1 // Независимый Психиатрический Журнал. 2003. № 4. С. 9.

ской Федерацией в 1998 г. Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г.

С принятием указанных Федеральных законов Российская Федерация впервые получила возможность осуществлять хозяйственную деятельность на континентальном шельфе и в исключительной экономической зоне в интересах сохранения богатств для своего народа, обеспечения экономической независимости и суверенитета.

Ответственность за преступления на континентальном шельфе и в исключительной экономической зоне Российской Федерации предусмотрены ст. 253 УК РФ.

Часть 1 ст. 253 УК РФ предусматривает ответственность за незаконное возведение искусственных островов, установок или сооружений на континентальном шельфе Российской Федерации, незаконное создание вокруг них или в исключительной экономической зоне Российской Федерации зон безопасности, а равно нарушение правил строительства, эксплуатации, охраны и ликвидации возведенных искусственных островов, установок или сооружений и средств обеспечения безопасности морского судоходства.

Часть 2 ст. 253 УК РФ предусматривает ответственность за исследование, поиск, разведку, разработку природных ресурсов континентального шельфа Российской Федерации или исключительной экономической зоны Российской Федерации, проводимые без соответствующего разрешения.

Стоит отметить, что меры наказания за преступления на континентальном шельфе и в исключительной экономической зоне Российской Федерации значительно ниже мировых. Например, в США, Франции, Канаде, Австралии штрафы достигают десятков и сотен миллионов долларов США, в то же время в Российской Федерации взимаемые штрафы за нарушение законодательства о континентальном шельфе и об исключительной экономической зоне в разы меньше (максимальный штраф составляет 500 тыс. руб.).

В последнее время налицо тенденция к активизации правоохранителей по пресечению противоправной деятельности в данной отрасли. Вероятно, причиной тому внимание первых лиц государства к масштабам убытков, которые каждый год несет казна и размерам причиняемого экологии ущерба, как правило, невосполнимого. При этом все чаще преступники – капитаны судов получают реальные сроки лишения свободы, а казна пополняется значительными средствами от штрафов. Так, по данным Северо-

Восточного пограничного управления береговой охраны ФСБ России общая сумма штрафов, предъявленных исков, средств от реализации имущества и морепродуктов в рамках административного и уголовного производства составила в 2009 г. более 550 млн. руб. (для сравнения в 2005 г. – 105 млн. руб.).

За первые месяцы 2010 г. только в производство Камчатского краевого суда попало четыре уголовных дела в отношении капитанов промысловых судов, занимавшихся разработкой природных ресурсов шельфа без соответствующего разрешения с общей суммой причиненного ущерба более 30 млн. руб. Также в данный суд из Московского городского суда передано скандальное «крабовое дело» в отношении международного преступного сообщества во главе с гражданином США А. Гонтмахером. В рамках данного дела государственным обвинителем заявлен гражданский иск в интересах государства на сумму более 5 млрд. руб.

Принятие Россией международно-правовых актов в сфере борьбы с преступлениями в сфере ННН-промысла (незаконного, несообщаемого и нерегулируемого промысла)¹ не отменяет наличие проблем и пробелов в соответствующих разделах национального законодательства. Действующие нормативные правовые акты, регулирующие промысел и оборот водных живых биологических ресурсов, а также законодательство, предусматривающее уголовную ответственность за преступления в данной сфере, по-прежнему недостаточно полно и по-разному раскрывают содержание таких понятий, как «промысел», «добыча», «разработка природных ресурсов».

Несовершенство используемых в законах формулировок

Одной из основных проблем при применении уголовной ответственности за преступления, совершаемые в исключительной экономической зоне Российской Федерации и на континентальном шельфе Российской Федерации, является разнообразие формулировок, используемых при описании признаков составов экологических преступлений, связанных с браконьерским промыслом, что, в свою очередь, помогает преступникам избежать заслуженной ответственности.

---

¹ 30.04.2010 Россия стала 15-й страной, присоединившейся к международному соглашению ФАО (Продовольственная организация ООН) по недопущению незаконного, несообщаемого и нерегулируемого промысла. Ранее, в декабре 2009 г. Россия и Республика Корея подписали соглашение о сотрудничестве в области предупреждения ННН-промысла.

В соответствии с ч. 2 ст. 253 УК РФ в числе признаков объективной стороны наряду с исследованием, поиском, разведкой без соответствующего разрешения природных ресурсов континентального шельфа или исключительной экономической зоны Российской Федерации названа разработка таких ресурсов. Согласно Закону о континентальном шельфе, а также Закону об исключительной экономической зоне предметом разработки континентального шельфа и исключительной экономической зоны являются находящиеся там минеральные и другие возможные виды неживых ресурсов. Применительно к добыче живых организмов (водных биологических ресурсов) упомянутые федеральные законы оперируют другими понятиями – «промысел» или «рыболовство».

Следовательно, исходя из бланкетного содержания уголовно-правовой нормы ч. 2 ст. 253 УК РФ, сфера ее применения ограничивается, помимо незаконной поисково-исследовательской деятельности, случаями противоправной добычи исключительно минеральных и других неживых ресурсов морского дна, его недр и вод соответствующих морских районов. А незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов на континентальном шельфе или в исключительной экономической зоне Российской Федерации должна влечь уголовную ответственность на общих основаниях по ст. 256 УК РФ, которая предусматривает ответственность за незаконную добычу (вылов) водных биологических ресурсов.

В то же время понятие «добыча (вылов) водных биологических ресурсов», используемое ст. 256 УК РФ и подразумевающее согласно п. 8 ст. 1 Федерального закона от 20.12.2004 № 166-ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» изъятие водных биоресурсов из среды их обитания, не совпадает с более широким понятием «разработка природных ресурсов», которое по смыслу законов, действующих в этой сфере, представляет собой комплексный процесс по добыче, переработке водных биоресурсов, производству из них готовой продукции, а также транспортировке уловов и готовой продукции.

Такие несоответствия между терминами в законах, действующих в анализируемой сфере, существенно затрудняют возможность формирования правильной, единообразной и эффективной практики применения законодательства об ответственности за экологические правонарушения.

На практике ч. 2 ст. 253 УК РФ применяется к любому браконьеру, занявшемуся нелегальным освоением исключительных морских районов. В итоге зачастую капитаны рыбопромысловых судов, виновные в многотонных незаконных уловах и причинившие ущерб на миллионы рублей, несут ответственность в виде штрафа (реже лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью) вместо того, чтобы быть осужденными к более строгому наказанию по ст. 256 УК РФ.

В целях формирования эффективной практики применения законодательства об ответственности за экологические правонарушения предлагается составы преступлений, предусмотренных ст. 256 и ч. 2 ст. 253 УК РФ, объединить в одной статье УК РФ и дополнить данную статью положениями, устанавливающими уголовную ответственность не только за незаконную добычу (вылов) водных биоресурсов, но и за приемку и переработку незаконно добытых (выловленных) водных биоресурсов с сокрытием от учета в судовой промысловой документации фактических объемов уловов, их видового состава и выпущенной из них продукции, а также за действия, совершаемые с выпущенной из этих биоресурсов готовой продукцией, – транспортировку и хранение.

Также следует дополнить статью примечаниями, дающими определение понятиям «разработка», «промысел», «добыча», «приемка», «транспортировка», «переработка», «хранение», а также устанавливающими точный и единый критерий определения крупного ущерба, исчисляемого в утвержденном порядке.

Невозможность использования методов оперативно-розыскной деятельности

Другой актуальной проблемой для сотрудников правоохранительных органов является ограниченность в использовании методов и результатов оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД).

К примеру, в информационно-аналитическом письме от 06.10.2009 Приморский межрайонный природоохранный прокурор В.В. Колесников сообщает: «Преступления, предусмотренные статьями 253 и 256 УК РФ, по российскому законодательству относятся к категории небольшой тяжести, что вынужденно ограничивает правоохранительные органы в применении всего комплекса предусмотренных законом полномочий.

В данных условиях основным методом воздействия является привлечение не столько к уголовной, сколько к имущественной и административной ответственности, установленной Федеральным законом от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды».

В соответствии с ч. 4 ст. 8 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД) прослушивание телефонных и иных переговоров допускается только в отношении лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений средней тяжести, тяжких и особо тяжких преступлений, а также лиц, которые могут располагать сведениями об указанных преступлениях.

Отнесение уголовным законом преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 253 и ч. 3 ст. 256 УК РФ, к категории преступлений небольшой тяжести лишает правоохранителя возможности использования арсенала методов ОРД. Учитывая, что при совершении подобных преступлений активно используются различные средства связи, скорейшее устранение обозначенной проблемы будет в полной мере способствовать пресечению преступлений, а также их раскрытию и осуждению виновных лиц.

Очевидно, что для оперативного решения данной проблемы существуют два пути: внесение изменений либо в Закон об ОРД, либо в УК РФ. Принимая во внимание совокупность прочих доводов, предлагаем перевести обсуждаемые преступления в категорию преступлений средней тяжести путем усиления санкции.

На основании изложенного, в целях повышения эффективности предупреждения и борьбы с преступлениями в исключительной экономической зоне РФ и на континентальном шельфе, учитывая их общественную опасность, колоссальные размеры ущерба и угрозу суверенитету Российской Федерации, предлагаем внести в УК РФ следующие поправки.

1. Объединить составы преступлений, предусмотренные ч. 2 ст. 253 УК РФ и ст. 256 УК РФ, в единую статью УК РФ. При этом раскрыть в данной статье основные понятия («разработка», «промысел», «добыча», «приемка», «транспортировка», «переработка», «хранение»), а также установить точную градацию размеров причиненного ущерба.

2. Ужесточить ответственность за нарушение законодательства о континентальном шельфе РФ и об исключительной экономической зоне РФ, установив ее в зависимости от причиненного экологии ущерба.

3. Перевести преступления, предусмотренные ст. 253 УК РФ и 256 УК РФ, в категорию преступлений средней тяжести в целях возможности применения ОРД для оперативного раскрытия указанных преступлений.

Н.С. Богомолов,
аспирант Академии
Генеральной прокуратуры
Российской Федерации

Институт отрешения от должности в субъектах зарубежных федеративных государств

В российской юридической науке институт отрешения от должности (импичмент) традиционно рассматривается только применительно к федеральному уровню. При изучении опыта зарубежных стран также затрагивается лишь высший уровень государственной власти. Вместе с тем в ряде зарубежных федеративных государств институт импичмента (и его разновидности) закреплён и на уровне субъектов Федерации, где он выступает как важное средство обеспечения конституционно-правовой ответственности должностных лиц. К сожалению, на сегодняшний день исследования в этой области практически отсутствуют.

Исторически импичмент возник в Англии приблизительно в XIV в. как право британского парламента судить и отрешать от должности тех судей и министров Короны, которые, по мнению законодателей, нарушали законы королевства. Сам монарх обладал иммунитетом и не являлся субъектом импичмента. Само слово «impeachment» первоначально значило «недоверие»¹.

Что касается основных деталей процедуры импичмента, то они мало изменились с тех времен: чиновник отрешается от должности бикамеральным парламентом, где функции обвинения осуществляет нижняя палата, а рассматривает дело по существу и выносит решение (квалифицированным большинством голосов) верхняя палата.

---

¹ *Домрин А.Н.* Конституционная процедура импичмента в США // Журн. рос. права. 2004. № 7. С. 31 – 33.

Соединенные Штаты Америки, по сути, унаследовали данный политико-правовой институт из права Англии. При этом сначала институт импичмента появился в конституциях первых штатов, а потом был закреплён в Конституции США 1787 года. Согласно разделу 4 ст. II Конституции США Президент, Вице-президент и все гражданские должностные лица Соединённых Штатов отстраняются от должности, если при осуждении в порядке импичмента они будут признаны виновными в измене, взяточничестве или других тяжких преступлениях и проступках¹.

Однако в отличие от Англии, в США импичмент не только распространился на главу государства – Президента США, но также был существенно видоизменён².

При этом если ни один из трёх случаев возбуждения процедуры импичмента в отношении Президента США (Джонсон, Никсон, Клинтон) за всю историю так и не завершился отрешением, в отношении высших должностных лиц штатов эта процедура применялась гораздо чаще и более успешно. Всего в отношении губернаторов штатов импичмент применялся 16 раз (из них в отношении двух губернаторов – дважды), в результате реально были отрешены 8 губернаторов. Последний случай импичмента губернатора имел место в штате Иллинойс в 2009 году, в результате чего губернатор Род Благоевич был отрешён от должности³.

Кроме того, ряд губернаторов были вынуждены уйти в отставку под угрозой импичмента, например губернатор Мэриленда Мэрвин Мандел в 1977 г., губернатор Алабамы Гай Хант в 1993 г., губернатор Арканзаса Джим Гай Такер в 1996 г., губернатор Аризоны Дж. Ф. Саймингтон в 1997 г.

Что касается остальных должностных лиц на уровне штатов, то 13 должностных лиц исполнительной власти штатов привлекались к импичменту. Среди них были лейтенант-

---

¹ Конституция США. Конституции зарубежных государств: учеб. пособие. М: Волтерс Клувер, 2007. С. 360.

² Прим.: в Англии парламент, по сути, привлекал чиновника к уголовной ответственности, в США же дело об импичменте заканчивается только отстранением от должности, что в дальнейшем не препятствует уголовному преследованию по этим же фактам.

³ Импичмент – исключительная мера контроля за исполнительной властью. [Электронный ресурс] – Официальный сайт государственного департамента США – Интернет-сайт «America.gov». URL: <http://www.america.gov/st/usgrussian/2009/February/20090202141828hmnietsua0.2592279.htm>

губернаторы, казначеи, атторнеи, секретари штата и аудиторы. Помимо этого 36 судей подверглись импичменту или его угрозе¹.

Вместе с тем, несмотря на то что англо-саксонская модель отрешения от должности (импичмент) получила широкое распространение во всем мире, она не является единственной. В других развитых федеративных государствах, например ФРГ и Австрии, институт отрешения от должности на уровне субъектов Федерации, хоть и имеет некоторое сходство с импичментом, все же отличается существенными особенностями.

Разновидностью импичмента, например, является институт привлечения должностных лиц субъектов Федерации к ответственности за нарушение конституции и законов в ФРГ.

В большинстве земель ФРГ существуют положения, предусматривающие преследование высших должностных лиц за нарушение конституции². Десять из 16 федеральных земель (за исключением Берлина, Бранденбурга, Мекленбурга-Передней Померании, Саксонии-Ангальт, Шлезвиг-Гольштейна и Тюрингии) предусматривают такую процедуру. В Баден-Вюртемберге, Баварии, Нижней Саксонии и Сааре она устанавливается в отношении депутатов представительных органов. В Бремене, Гамбурге, Гессене и Рейнланд-Пфальце конституционные суды рассматривают дела по обвинению, отрешению или ответственности судей³. Особенностью Гамбурга является возможность выдвижения обвинения, в том числе против членов Счетной палаты.

Законодательством земель предусматриваются следующие основания для возбуждения обвинения против должностных лиц:

умышленное (или по грубой неосторожности) нарушение конституции (Бавария, Баден-Вюртемберг, Нижняя Саксония, Северный Рейн-Вестфалия, Саар);

корыстное злоупотребление своим положением (Нижняя Саксония).

Сходство немецкой модели отрешения от должности с импичментом состоит в том, что возбуждается эта процедура законодательным органом – применительно к ФРГ ландтагом. Для

---

¹ Impeachment of state officials. [Электронный ресурс] – Официальный сайт законодательного собрания штата Коннектикут URL: <http://www.cga.ct.gov/2004/rpt/2004-R-0184.htm>

² Кровельщикова В.В. Конституционные суды Германии: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2004. С. 114 – 119.

³ Кряжков В.А. Конституционные суды земель Германии // Государство и право. 1995. № 5. С. 120.

возбуждения такой процедуры необходима инициатива, поддержанная, как правило, одной третью депутатов ландтага. После этого вопрос ставится на голосование и требует согласия квалифицированного большинства присутствующих депутатов ландтага. В случае если ландтаг проголосует в поддержку обвинения, его председатель составляет обвинительное заключение и направляет его в месячный срок в конституционный суд земли. В обвинительном заключении должно быть указано, в чем обвиняется соответствующее должностное лицо, приведены доказательства, а также положения Конституции, которые были нарушены, и то, что процедура возбуждения обвинения полностью соблюдена.

В отличие от процедуры импичмента рассматривает дело по существу и выносит решение не вторая палата парламента, а Конституционный суд земли. Это придает всей процедуре отрешения от должности больший правовой характер, нежели в США.

Конституционный суд устанавливает своим решением, виновен ли обвиняемый в умышленном нарушении конституции или какого-либо другого земельного закона. В случае установления вины суд может также лишить обвиняемого его должности с момента провозглашения решения¹.

Весьма схожа с немецкой конструкцией и модель привлечения к конституционно-правовой ответственности в Австрии. Конституция Австрии 1920 года довольно подробно регламентирует вопросы конституционно-правовой ответственности органов и должностных лиц федерального уровня и уровня субъектов Федерации. При этом ведущую роль в качестве органа власти, который привлекает к КПО, выполняет так же, как в Германии, Конституционный суд. Однако в отличие от Германии, в Австрии – это федеральный Конституционный суд, а не суд земли.

Согласно ст. 142 Конституции Австрии Конституционный суд Австрии рассматривает дела в связи с обвинениями, которые влекут предусмотренную Конституцией ответственность верховных органов Федерации и земель за допущенные ими в ходе их официальной деятельности виновные правонарушения².

При этом обвинение может быть возбуждено в отношении: Федерального президента; членов Федерального правительства и органов, приравненных к ним; австрийского представителя в Совете; членов правительства земли и органов, приравненных к

---

¹ Кровельщикова В.В. Указ. соч. С. 114 – 119.

² Федеральный конституционный закон Австрийской Республики от 10.11.1920 // Австрийская Республика. Конституция и законодательные акты. М., 1985. С. 102.

ним; губернатора земли, его заместителя или члена правительства земли; органов столицы Федерации Вены; президента или исполняющего обязанности президента школьного совета земли¹.

Основания КПО указанных должностных лиц сводятся к трем деликтам: нарушение Конституции; нарушение закона; неисполнение законных требований Федерации.

Возбуждают дела по данной процедуре следующие органы: в отношении Президента и Федерального правительства – Федеральное Собрание и Национальный совет Австрии соответственно; против членов правительства земель дела возбуждаются ландтагами этих земель (для принятия решения необходимо присутствие не менее половины членов Ландтага), в отношении всех остальных случаев и должностных лиц дела возбуждаются Федеральным правительством.

В случае если Конституционный суд выносит решение об осуждении, то этим решением лицо отстраняется от должности, а при особо отягчающих обстоятельствах также лишается политических прав; при малозначительности правонарушений в некоторых случаях Конституционный суд может ограничиться констатацией правонарушения.

В России на уровне субъектов Федерации подобный институт практически отсутствует. Единственное должностное лицо, которое можно отрешить от должности – это высшее должностное лицо субъекта РФ. При этом сама процедура отрешения далека от совершенства и вызывает множество вопросов. Остальных же должностных лиц субъекта Федерации за нарушение Конституции и закона, если деяние не подпадает под уголовное или административное законодательство, отрешить от должности в принципе невозможно, что, на наш взгляд, является существенным пробелом правового регулирования и требует совершенствования законодательства.

В связи с этим следует больше ориентироваться на модель КПО Австрии и ФРГ (нежели США), где подобные дела рассматривают конституционные суды (либо земель, либо федерации). При этом в российскую модель целесообразно было бы включить и прокуратуру как участника процесса, поскольку основное количество нарушений Конституции и законов в деятельности должностных лиц субъектов Федерации выявляется именно органами прокуратуры Российской Федерации.

---

¹ Федеральный конституционный закон Австрийской Республики от 10.11.1920 // Австрийская Республика. Конституция и законодательные акты. М., 1985. С. 102, 103.

Д.К. Боков,
аспирант Академии
Генеральной прокуратуры
Российской Федерации

Гражданский иск прокурора в защиту интересов государства в уголовно-процессуальном законодательстве России

Формирование и развитие правовой базы защиты имущественных интересов государства, потерпевшего от преступных посягательств, уходит своими корнями ко времени образования самого государства.

Начальный этап становления и развития целенаправленной и предметной защиты имущественных интересов государства в уголовно-процессуальном законодательстве России берет свое начало с момента учреждения прокуратуры.

Именно в первоначальные годы после своего образования деятельность прокуратуры, как никогда позднее, всецело была направлена на защиту интересов государства. С.М. Казанцев пишет: «Доморощенная система надзора была далека от совершенства, она обладала органическими пороками антиправового государства, защищала от произвола чиновников не общество, а государство»¹.

Важной вехой в истории развития гражданского иска прокурора в уголовном процессе в защиту интересов государства стала губернская реформа 1775 г., которая привела к изменениям как в организации, так и в системе функций прокуратуры по защите имущественных интересов государства в уголовном судопроизводстве.

На смену провинциальной прокуратуре приходят губернские и уездные помощники прокурора – стряпчие, а также прокуроры и стряпчие сословных судов.

«Стряпчие» – понятие не новое. Еще в XVII в., а возможно и ранее, этот термин использовался для обозначения судебного представителя, консультанта, ходатая по делам. Но институту стряпчества Екатерины и ее советников в предшествующий период прямого аналога не имелось.

---

¹ *Казанцев С.М.* История царской прокуратуры. СПб., 1993. С. 44.

В круг ведения губернской прокуратуры в соответствии со ст. 405 Учреждения о губерниях входили вопросы об «уголовных преступлениях и проступках», а также «о казенном и общественном ущербе».

Губернские стряпчие обязаны были выполнять все указания прокурора, но ст. 406 Учреждения о губерниях гарантировала им определенную процессуальную независимость – в тяжёлых делах они могли производить дело и без согласия губернского прокурора, выслушивая однако же его заключение.

В тех случаях, когда в уголовном деле подсудимый, обвиняемый прокуратурой, признавался судом невиновным, он мог потребовать от стряпчего знакомства с доносом, по которому начато дело, и имя доносителя, «дабы ясно и явно было, что стряпчий уголовных дел не есть поклепатель невинности»¹.

Начало царствования Александра I ознаменовано учреждением министерств, при этом должность генерал-прокурора была соединена с должностью министра юстиции, которому передавалось управление судами и прокуратурой империи², однако для защиты интересов государства, потерпевшего от преступления, данное нововведение носило номинальный характер.

С принятием судебных уставов 1864 г. прокуратура превратилась в обвинительную власть. Составители судебных уставов прямо указывали, что уголовное преследование составляет главный предмет занятий современного прокурорского надзора³, «прокурор должен являться публичным обвинителем во всех уголовных делах и вести их во всех судебных инстанциях в качестве представителя правительства и закона»⁴.

По Уставу уголовного судопроизводства прокуратура наделяется правами исключительно стороны обвинения по делу, где ее «обязанности по отправлению самой должности состоят в... представительстве государственных интересов уголовного пре-

---

¹ Казанцев С.М. Указ. соч. С. 98.

² Казанцев С.М. Манифест 8 сентября 1802 г. об учреждении министерств в России // Вестн. Ленингр. ун-та. 1985. Сер. 6. Вып. 1. № 20. С. 75.

³ Судебные уставы 20.11.1864 с изложением рассуждений, на коих они основаны. СПб., 1867. Ч. II. С. 27, 28.

⁴ Судебные уставы 20.11.1864 с изложением рассуждений, на коих они основаны. Указ. ранее. С. 102.

следования»¹. Декларируется равноправие сторон в процессе. Не допускается вторжения в сферу судебной независимости, прокуратура лишь обеспечивает государственные интересы перед судом², однако при этом «прокуратура не ограничена интересами обвинения, преследуя более широкие интересы правосудия и законности»³.

В пореформенный период деятельность прокуроров по предъявлению гражданских исков в защиту интересов государства в уголовном процессе приобрела четкие границы в силу общей определенности гражданских начал в уголовном судопроизводстве: «Судебные Уставы установили более или менее точные правила относительно вознаграждения за вред и убытки, причиненные преступлением или проступком»⁴.

Устав уголовного судопроизводства придавал приоритетное значение разрешению гражданского иска именно в приговоре, а не в порядке гражданского судопроизводства.

Вместе с этим отсутствовал единый подход к наложению денежных взысканий в удовлетворение интересов казны, требовалась унификация действующего законодательства в сфере имущественных интересов государства, потерпевшего от преступлений⁵.

Вплоть до революции 1917 г. прокурор отстаивал интересы «казны» в уголовном процессе, исходя из правовых основ, заложенных судебной реформой 1864 г.

После Октябрьской революции органы прокуратуры были ликвидированы. Борьбу за государственные интересы вели созданные революционными массами на местах «временные народные суды», «следственные комиссии», «суды общественной совести» и т.д.»⁶. Разобщенность структур, работающих в этом направлении, не могла привести к достижению эффективного ре-

---

¹ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1 / под ред. А.В. Смирнова. СПб., 1996. С. 527.

² Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1 / под ред. А.В. Смирнова. СПб., 1996. С. 539.

³ Там же. С. 534.

⁴ Тальберг Д.Г. Гражданский иск в уголовном суде или соединенный процесс. Киев, 1888. С. 105.

⁵ Таганцев С.Н. Русское уголовное право. Тула, 2001. Т. 2. С. 31.

⁶ Корягина Т.А. Деятельность суда по предупреждению хищений социалистического имущества: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1968. С. 6.

зультата, в связи с чем 28.05.1922 была образована советская прокуратура.

УПК РСФСР 1922 г. и 1923 г., Основы уголовного судопроизводства 1958 г. закрепили применение исковой формы защиты права в уголовном процессе. УПК РСФСР 1961 г. определил роль и место гражданского иска в уголовном процессе, при этом прокурор неотъемлемо наделялся правом предъявления гражданского иска в защиту интересов государства.

Деятельность прокурора по защите интересов государства в уголовном процессе путем предъявления гражданского иска в различные исторические периоды становления и функционирования отечественной прокуратуры имеет свои, обусловленные характерными для конкретных этапов особенностями и условиями правовой жизни государства, отличительные свойства.

При этом к настоящему времени в науке не выделяют периодизацию гражданского иска прокурора в уголовном процессе в защиту интересов государства или деятельности прокуратуры по предъявлению гражданского иска в государственных интересах в уголовном судопроизводстве.

Так, Д.Г. Тальберг дает следующую периодизацию гражданскому иску¹: 1) Вознаграждение за вред и убытки, причиненные преступным деянием до XVI в.; 2) Период Судебников и Уложения Царя Алексея Михайловича; 3) Законодательство XVIII в.; 4) Период от Учреждения о губерниях до Свода Законов; 5) Гражданский иск по Своду Законов; 6) Период Судебных уставов 1864 г.; Л.М. Берлин исходит из двух периодов до и после 1864 г.²; С.Н. Таганцев применительно к возмещению имущественного вреда, причиненного преступлением, выделяет дообщественное состояние, период образования и становления государственной власти, Судебные уставы 1864 г.³

С.М. Казанцев в деятельности прокуратуры выделяет два периода развития: дореволюционный (царский) до 1917 г. и советский после 1922 г.⁴ Дореволюционный, в свою очередь, также

---

¹ Тальберг Д.Г. Гражданский иск в уголовном суде или соединенный процесс. Киев, 1888. С. VIII.

² Берлин Л.М. Гражданский иск потерпевшего от наказуемого правонарушения. СПб., 1888. С. 165.

³ Таганцев С.Н. Русское уголовное право. Тула, 2001. Т. 2. С. 21 – 23.

⁴ Казанцев С.М. История царской прокуратуры. С.5

подразделяется на два: первый – 1722 – 1864 гг., и второй – 1864 – 1917 гг., периодизация основана на разграничении осуществления надзора за законностью в деятельности государственного аппарата и государственное обвинение соответственно.

В.Г. Бессарабов выделяет следующие этапы в деятельности прокуратуры: 1) Дореформенная (петровская) прокуратура (1772 – 1864 гг.)¹; 2) Пореформенная российская прокуратура (1864 – 1917 гг.)²; 3) Советская прокуратура (1922 – 1991 гг.)³; 4) Постсоветская российская прокуратура⁴.

Если взглянуть на вопрос периодизации непосредственно с позиции гражданского иска прокурора в уголовном процессе в защиту интересов государства, то этапы развития законодательства России в данной сфере имеет свои значимые отличия от приведенных выше и других, сходных по содержанию.

Это объясняется прежде всего собственным генезисом института гражданского иска прокурора, динамикой развития потребностей государства в защите собственных имущественных интересов в уголовном судопроизводстве, нестабильностью первостепенных направлений деятельности при сохранении широкого круга полномочий органов прокуратуры, изменчивостью взглядов высшего руководства России на деятельность «ока сударева».

На основании изложенного представляется возможным предложить собственную периодизацию гражданского иска прокурора в уголовном судопроизводстве в защиту интересов государства в законодательстве до 1917 г.:

- 1) Петровский – 1722 – 1775 гг.;
- 2) Екатерининский – 1775 – 1864 гг.;
- 3) Александровский – 1864 – 1917 гг.;
- 4) Советский – 1922 – 1991 гг.;
- 5) Современный – после 1991 г. и по наши дни.

---

¹ Журн. рос. права. 2002. № 8. С. 152.

² Там же. С. 141.

³ Там же. № 12. С. 120.

⁴ Журн. рос. права. 2003. № 3. С. 148.

Л.В. Борисова,
кандидат юридических наук,
доцент

Дискуссия о начале возникновения правоспособности физических лиц

Проблема определения начала возникновения правоспособности физических лиц, имеющая глубокие нравственно-философские аспекты, в последние годы стала объектом пристального внимания юристов, медиков, психологов, социологов, философов и религиозных деятелей.

В юридической науке по названному вопросу сформировалось три основных подхода: абсолютистский, либеральный и умеренный.

Сторонники абсолютистской позиции (В.А. Голиченко, Л.Н. Линик, И.В. Чиндин) предлагают определить начало возникновения правоспособности моментом зачатия. Они рассматривают эмбрион как человеческое существо, которое обладает безусловной ценностью, именно поэтому, по их мнению, в обязанность государства входят обеспечение условий для развития их жизни и ее абсолютная защита¹.

Приверженцы либеральной позиции основывают свои доводы на положении, согласно которому человеческий эмбрион имеет незначительную ценность, поэтому не нуждается в какой-то особой защите (В.С. Репин)².

Ученые, придерживающиеся умеренной (градуалистической) позиции, считают, что «оплодотворенная яйцеклетка развивается в человеческое существо постепенно и эмбрион имеет значительную, но не абсолютную ценность». Поэтому, по мнению авторов данной позиции, эмбрион подлежит правовой охране при достижении жизнеспособности (М. Энгельхарт)³.

---

¹ См. подр.: *Машко Н.* Пределы действия права на жизнь: трактовка в национальном законодательстве и практике Европейского Союза по правам человека // СПС «КонсультантПлюс».

² *Репин В.С.* Новые биотехногенные реальности в медицине XXI века: место и роль биоэтики // Медицина и право: матер. конференции. М., 1999. С. 81 – 101.

³ См.: *Машко Н.* Указ. соч.

Как видим, в каждой из названных позиций по-разному оценивается начальный момент возникновения правоспособности физического лица, а также ценность человеческого эмбриона, формирование которого представляет собой не одномоментный акт, а длительный процесс, каждый отрезок времени которого можно расценивать как свидетельство появления человека и начала человеческого существования.

Тем не менее в соответствии с ч. 2 ст. 17 действующего Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) право правоспособности возникает именно в момент рождения человека и никаких оговорок данная статья не содержит.

Вместе с тем в других статьях ГК РФ имеются нормы, устанавливающие охрану прав человека еще до рождения. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 1116 наследниками по завещанию и закону могут быть граждане, зачатые при жизни наследодателя и родившиеся живыми после открытия наследства. Таким образом, данная норма наделяет ограниченной правоспособностью нерожденного ребенка, присваивая ему статус «субъекта права».

По-разному решается вопрос о правоспособности зачатого ребенка в законодательстве европейских стран.

Согласно ст. 1 ГК Италии (1942 г.) юридическая правоспособность приобретается с момента рождения.

В ст. 29 и 30 ГК Испании (1889 г.) определено, что ребенок считается рожденным и обладает гражданской правоспособностью, если имеет человеческое тело и проживет 24 часа с момента отделения от материнского организма.

По законодательству Венгрии и Словакии человек, если он родился живым, считается правоспособным с момента зачатия.

Гражданское право Франции (ст. 16 ГК) отражает позицию, согласно которой жизнь человеческого существа должна охраняться с момента первых признаков ее проявления (закон Франции «О биоэтике» от 29.03.1994, закон «О прерывании беременности» от 17.01.1975).

В параграфе 29 ГК штата Калифорния (1872 г.) установлено, что зачатый, но еще не родившийся ребенок презюмируется уже родившимся во всех случаях, когда такая презумпция может быть полезной для защиты интересов, возникающих для него в результате его рождения.

Таким образом, зарубежное законодательство придает существенное значение таким понятиям, как начало жизни гражданина, рождение. Причем все большую популярность приобретает признание правового статуса и охраны зачатого ребенка, запрета опытов на эмбрионах на любой стадии их развития.

На наш взгляд, уровень сознания российского общества также приближается к границе готовности поддержать и защитить человеческий плод, признав за ним право на рождение. Об этом, в частности, свидетельствуют не только наличие в нашем законодательстве норм, наделяющих ограниченной правоспособностью нерожденного ребенка, но и активно обсуждаемая в науке проблема запрета аборт.

Само число аборт в России и первое место, которое устойчиво держит Россия по этому показателю, представляются важнейшими аргументами в пользу перемен. Аборт является основной причиной высокого уровня материнской смертности, бесплодия и гинекологических заболеваний. Легальный аборт и наделение женщин правом самостоятельно решать вопрос о материнстве ставят под угрозу геополитические интересы России, ибо направлены на то, чтобы сократить прирост ее населения, что приведет к ослаблению государства и последующему его окончательному распаду.

С точки зрения религиозных деятелей: «Вопрос о праве женщины рожать или уничтожить свой плод является преступным своеволием женщины или, говоря языком религии, «грехом». С самого начала, с момента зачатия эмбрион является живым существом. Для того чтобы этот зародыш, это существо превратилось в человека, ничего уже добавлять не нужно! Все уже есть! Его нужно только кормить – и он будет расти. Он будет формироваться и превратится в человека.

Анализ отношения российских женщин к аборту показывает, что их репродуктивное поведение в настоящее время в значительной мере определяется легальностью и доступностью аборта. Как показывает статистика, самая большая часть аборт (примерно 8 из 10) совершается «по желанию женщины», а не «по медицин-

ским»¹ или «по социальным показаниям» (наличие решения суда о лишении или об ограничении родительских прав; беременность в результате изнасилования; пребывание женщины в местах лишения свободы; наличие инвалидности 1 – 2 группы у мужа или смерть мужа во время беременности)².

При этом большинство женщин приводят в качестве объяснения аборту социально-психологические и экономические причины: тяжелое материальное положение большинства семей, отсутствие нормальных жилищных условий, современная структура семьи (ориентация на малодетность, увеличение числа неполных семей), тяжелый физический труд значительной части работающих женщин, условия труда, не отвечающие санитарно-гигиеническим нормам, низкий уровень репродуктивного здоровья, необходимость получения образования, сохранения места работы и из-за отсутствия зарегистрированного брака с отцом ребенка. Нередко сама социальная среда, в которой живет женщина, является основным источником негативного отношения к материнству.

Так, по рассказу одной из женщин, ее беременность четвертым ребенком было словно свидетельство о позоре, которое вынуждало ее прятаться от окружающих. Известие о том, что Мария ждет четвертого ребенка, быстро разнеслось по поселку. Местные кумушки на каждом углу судачили об ожидающемся пополнении. И «общественное мнение» тут же вынесло Марии приговор: сумасшедшая, самим с мужем есть нечего, а она еще нищету плодит... При этом во внимание не принималось, что у семьи есть огород, корова и другая живность, а на земле при наличии

---

¹ К числу медицинских показаний для искусственного прерывания беременности относятся: туберкулез (все активные формы), сифилис, ВИЧ-инфекция, наличие в настоящем или в прошлом злокачественных новообразований всех локализаций, острый и хронический лейкоз, врожденный порок сердца, состояние физиологической незрелости (несовершеннолетие) или угасания репродуктивной системы женщины (возраст 40 лет и больше) и др. При наличии у беременной заболевания, не указанного в перечне, но при котором продолжение беременности и роды представляют угрозу жизни или ущерба для здоровья беременной или новорожденного, вопрос о прерывании беременности решается индивидуально. См. Перечень медицинских показаний для искусственного прерывания беременности (утв. Инструкцией Минздравмедпрома от 28.12.1993. № 302).

² Постановление Правительства Российской Федерации от 11.08.2003 № 485 «О Перечне социальных показаний для искусственного прерывания беременности» // СПС «КонсультантПлюс».

скотины всегда можно прокормиться, только не ленись... Вот этого «приговора», всеобщего осуждения и боялась Мария, не понимая насколько же извращенным должно быть сознание людей, чтобы убийство младенца во чреве считалось обычным, естественным явлением, а рождение не первого ребенка – из ряда вон выходящим событием, заслуживающим сурового наказания... Косые взгляды, пересуды, непереносимое желание в общественном транспорте толкнуть или ударить локтем в живот и т.д.¹

Аборт непосредственно связан не только с физическими страданиями (медицинские учреждения заранее снимают с себя ответственность перед женщиной за некачественную операцию искусственного прерывания беременности (невозможность в последующем вообще иметь детей) и возможные осложнения), но и с моральными травмами. Так, началом отношений Ксении с Сергеем явилась огромная страсть, постоянное желание обладать друг другом и не расставаться ни на минуту. Однако когда Ксения узнала о своей беременности, Сергей стал настаивать на аборте: «Хочешь и дальше быть со мной, иди и делай аборт». Оплатив операцию, Сергей больше не появлялся у Ксении. Она проснулась в больничной палате и без ребенка и без Сергея...²

Следует также отметить, что если ранее биологически и культурно нормальной считалась только такая сексуальная активность, которая способствовала или могла привести к зачатию, то в XX в. положение изменилось. Общественное сознание приняло тот факт, что сексуальность не направлена на деторождение, не нуждается в оправдании и является самоценной по принципу «свободный секс», основанный на легитимации чувственности, осуждении воздержания, постоянной смене партнеров, где дети являются препятствием в стремлении к сексуальному удовлетворению. И когда после такой связи возникает беременность, ее прерывают, чтобы освободиться от «неудобств».

В настоящее время, несмотря на значительное количество научных работ, посвященных затронутой проблеме, в обществе пока нет однозначного варианта ее разрешения. По мнению отдельных исследователей, аборт вносит в репродуктивное поведение некий смысл: он как бы упорядочивает мотивы как рождения детей, так и отказа от этого в целях уменьшения числа «брошен-

---

¹ Трубина Т. Осуждается... материнство / Когда ты была во мне точкой... дочка. Рязань, 2007. С. 40, 41.

² Там же. С. 31

ных детей», детоубийств и криминальных аборт. И все же, на наш взгляд, взвесив все «за» и «против», законодательный запрет совершения абортов в части закрепления за неродившимся ребенком правоспособности и внесения изменений в статью 17 ГК РФ является рациональной установкой. Как справедливо отмечается в литературе, законодательное определение правоспособности физических лиц с момента зачатия будет способствовать его защите, формированию определенного отношения общества к созданию и планированию семьи, возможно, более гуманному и морально оправданному отношению к человеческому эмбриону, а также может рассматриваться в качестве обоснования для его правомерного использования в трансплантационных и научно-исследовательских целях¹.

Что же касается разрешения таких сложных вопросов, как легитимность и моральная обоснованность прерывания беременности, формулирования понятий «человек» и «человеческое существо», «жизнь человека как биологический феномен» и определения ее начала и конца и др., то такие вопросы должны однозначно решаться не только на основании правовых исследований, но и с привлечением медиков, философов, богословов и т.д. Представляется также важным, что особое значение в ее разрешении должно сыграть формирование и развитие морали и культуры общества, а также государственная поддержка, выраженная в принятии соответствующих нормативных документов, направленных:

на переориентацию системы ценностей на устойчивую, юридически оформленную семью с несколькими детьми, повышение ее престижа как в общественном мнении, так и при проведении социальной политики;

на обеспечение родителям, имеющим нескольких детей, благоприятных условий для сочетания трудовой деятельности вне дома с выполнением семейных обязанностей;

на формирование гражданской, подлинно патриотической позиции в отношении необходимости повышения рождаемости;

на формирование позитивного общественного мнения по отношению к мерам по стимулированию рождаемости и укреп-

---

¹ *Машко Н.* Пределы действия права на жизнь: трактовка в национальном законодательстве и практике Европейского Союза по правам человека // СПС «КонсультантПлюс».

лению семьи, использование средств массовой информации, рекламы в пропаганде повышения рождаемости, укрепления семейного образа жизни, сплоченности семьи, эмоционально-позитивных отношений в семье;

на содействие молодым семьям в решении проблем, связанных с рождением и воспитанием детей, совершенствование системы помощи молодым семьям в улучшении жилищных условий, обеспечение приоритетного стимулирования рождений второго и третьего ребенка (большая величина пособий, больший процент погашения кредита на приобретение жилья, меньший первоначальный взнос при вступлении в программу «Молодой семье – доступное жилье») и др.¹

О.В. Буренина,
научный сотрудник НИИ
Академии Генеральной прокуратуры
Российской Федерации

**Защита чести и достоинства личности
в уголовном процессе:
история и современность**

Проблема защиты чести и достоинства личности во все времена интересовала людей.

В Древнерусском государстве посягательства на честь и достоинство выделялись в отдельный вид преступлений и сурово наказывались. В частности, «Русская Правда» предусматривала ответственность за такие преступления против чести, как «удар тыльной стороной необнаженного меча». Подобное действие считалось особо позорным: «получить такое оскорбление означало не только получить обиду, но и быть опозоренным, рисковать своей доброй славой»².

---

¹ См.: Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Указом Президента Российской Федерации от 09.10.2007 № 135); постановление Правительства Москвы от 28.06.2005 № 482-ПП «О концепции демографического развития Москвы» // СПС «КонсультантПлюс».

² Розин Н.Н. Об оскорблении чести. Уголовно-юридическое исследование. Общая часть. Опозорение. 2-е изд., перераб. и доп. Томск, 1910. С. 93.

Однако В.О. Ключевский правильно обращает внимание на то, что в центре правового регулирования находилась только честь людей «военнослуживших», т.е. постоянно имеющих при себе меч¹.

Процесс установления вины или невиновности лица основывался на началах, противоречащих всякому уважению к человеку. Лицо (человек), на которого пало подозрение в совершении преступления, становилось совершенно бесправным, не имеющим никакой возможности защитить свое доброе имя.

Избирательный характер защиты чести и достоинства личности того времени подтверждают и другие положения. Так, свидетелями могли быть только свободные граждане. Как указывает И.А. Исаев, крепостные (холопы) были самыми бесправными субъектами права, их личность, а следовательно, честь и достоинство, фактически не защищалась законом². В судебном процессе холоп не мог выступать в качестве стороны, а свободный человек, ссылаясь на его показания, должен был специально оговориться, что ссылается на слова холопа.

В церковных уставах Владимира Мономаха, князя Ярослава Владимировича, Уставной Двинской грамоте 1397 г., Судебнике 1500 г., Уложении 1649 г. также содержатся нормы по защите чести и достоинства человека (личности)³.

В Судебнике Иоанна Грозного 1500 г. были закреплены уставные и губные грамоты, согласно которым только показания боярина, дьяка и приказчика признавались достоверными доказательствами, имеющими заранее установленную силу.

В Соборном уложении 1649 г. было закреплено, что судебное разбирательство должно производиться независимо от «чинов как больших, так и малых».

Однако отсутствовало равенство даже при назначении наказания. В «Истории государства российского» Н.М. Карамзин указывает, что наказание за одно и то же преступление было более тяжким для крестьянина, чем для выходца из другого, более богатого сословия. Например, за совершение одного и того же деяния, если «мещанина вешали, то «сына боярского» только сажали в темницу или секли батогами». Так называемые благородные

---

¹ Ключевский В.О. Русская история. Кн. 1. М.: Олма-Пресс, 2003. С. 194, 195.

² Исаев И.А. История государства и права России. М., 1999, С. 73.

³ Москалькова Т.Н. Уважение чести и достоинства личности как принцип советского уголовного процесса: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1988. С. 13.

люди имели еще одну выгоду: вместо себя могли представлять своих слуг для телесного наказания в случае неуплаты долгов¹.

В Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. предпринимались попытки по закреплению равенства между гражданами вне зависимости от их социального статуса. Однако достоинство личности не ценилось, так как сословный строй оказывал значительное влияние на реформу уголовного судопроизводства. О защите личности и признании ее достоинства в то время не могло быть и речи ввиду отсутствия элементарных гражданских прав и свобод, из которых и проистекает признание достоинства (ценности) личности².

В советский период уголовно-процессуальное законодательство обеспечивало всевластие государства над личностью. В Советском Союзе отрицался естественный характер прав человека, принадлежащих каждому от природы, с момента рождения. Идеология того времени исходила из того, что каждый человек должен получать права исключительно от государства.

На долгие годы установилась двойная мораль по отношению к личности. С одной стороны, советское государство провозглашало равенство прав человека и гражданина, с другой, – оказывалось, что некоторые «равнее». Ценность человека сводилась к «полезности» для общества, а классовая идея фактически убила идею человека. Провозглашаемые конституционные принципы в значительной степени были фиктивными и носили декларативный характер.

Конституция Российской Федерации закрепила, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью и что признание достоинства личности – основа всех его прав и свобод и необходимое условие их существования и соблюдения. Достоинство личности охраняется государством, и ничто не может быть основанием для его умаления (ч. 1 ст. 21).

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации впервые провозгласил в качестве одного из основных принципов «уважение чести и достоинства личности», означающий, что в ходе уголовного судопроизводства запрещается осуществление действий и принятие решений, унижающих честь участника уголовного судопроизводства (ст. 9).

---

¹ Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. 1. СПб., 2000. С. 158.

² Дворянкина Т.С. Уважение чести и достоинства личности как нравственная основа судебного разбирательства: монография. М., 2007. С. 16.

Совершение каких-либо действий, затрагивающих честь и достоинство личности, должны быть обоснованными и правомерными (законными).

Унижением чести и достоинства личности является произвольное, без достаточных оснований, вмешательство должностных лиц правоохранительных органов в личную жизнь граждан. Честь и достоинство страдают от незаконного и необоснованного производства обысков, компрометирующих непричастных к преступлению лиц, и от того, что обыскивающие подвергают изучению личные вещи и документы, содержащие в том числе сведения и об интимной жизни граждан. При проведении освидетельствований, личных обысков, получении образцов для сравнительного исследования ущерб чести и достоинству граждан причиняют незаконные и неэтичные методы осмотра и обследования обнаженного тела¹. Компрометируют и таким путем унижают человеческое достоинство и произведенные без достаточных к тому оснований задержание и арест.

Очевидно, что крайняя форма посягательства на честь и достоинство личности – применение физического или психического насилия. Такого рода действия никогда не должны быть средством получения желаемой информации.

Любое нарушение конституционных прав и свобод граждан – это унижение их человеческого достоинства.

Значительному ограничению подвергаются честь и достоинство личности при применении в отношении лица процессуальных мер пресечения. В рамках данной статьи хотелось бы отдельно рассмотреть вопрос о защите чести и достоинства личности при избрании меры пресечения в виде домашнего ареста.

Домашний арест заключается в ограничении судом свободы передвижения подозреваемого, обвиняемого путем изоляции его в собственном или ином жилище, а также в установлении судебным решением системы запретов для этого лица (не общаться с определенными лицами; не получать и не отправлять корреспонденцию; не вести переговоры с использованием любых средств связи). Данная мера пресечения применяется по судебному решению в отношении лица, совершившего преступление, за которое уголовным законом предусмотрено наказание в виде лишения

---

¹ Эти аспекты неприкосновенности личности и личной жизни граждан уже рассматривались в литературе (см.: *Петрухин И.Л.* Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе. М., 1989. С. 103 – 193).

свободы на срок свыше двух лет, при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения. В постановлении или определении суда об избрании домашнего ареста в качестве меры пресечения указываются конкретные ограничения, которые налагаются на подозреваемого, обвиняемого, а также орган или должностное лицо, на которые возлагается осуществление надзора за соблюдением установленных ограничений (ст. 107, 108 УПК РФ).

Нельзя не отметить, что введенный в качестве альтернативы заключению под стражу домашний арест таковой в правоприменительной практике пока еще не стал и применяется крайне редко. Так, в 2008 г. прокурорами было рассмотрено всего 9 постановлений дознавателей о возбуждении перед судом ходатайств об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста, а в 2009 г. не намного больше – 14. По всем постановлениям прокурором дано согласие на обращение в суд. Однако несмотря на столь незначительное количество постановлений дознавателей о возбуждении перед судом ходатайств об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста, судом в 2008 г. отказано в удовлетворении одного ходатайства дознавателя об избрании данной меры пресечения, а в 2009 г. – 4.

Судом первой инстанции рассмотрено 97 ходатайств следователей об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста в 2008 г., а в 2009 г. – 168. Однако по результатам их рассмотрения судом было отказано в удовлетворении 19 ходатайств и 21 ходатайства соответственно, из которых в 2008 г. – 5 ходатайств в судебном заседании не были поддержаны прокурорами, а в 2009 г. – 13¹.

В числе причин, по которым домашний арест не получил широкого распространения на практике и не стал реальной альтернативой заключению под стражу, следует назвать отсутствие разработанных порядка и механизма его реализации, а также контроля за соблюдением установленных судом ограничений, инертность профессионального мышления должностных лиц, осуществляющих дознание и предварительное следствие.

В связи с этим представляется необходимым разработать и принять нормативного правового акта, который бы подробно регламентировал порядок применения данной меры пресечения, например Федерального закона «О домашнем аресте подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений». Принятие тако-

---

¹ Отчет о работе органов прокуратуры по форме «П» за 2009 год.

го закона позволило бы обеспечить правовой механизм и порядок осуществления контроля за исполнением этой меры пресечения, а также проведение профилактической работы с подозреваемыми и обвиняемыми, находящимися под домашним арестом, что, по нашему мнению, способствовало обеспечению реальной защиты чести и достоинства личности.

Е.В. Великая,
научный сотрудник НИИ
Академии Генеральной прокуратуры
Российской Федерации

Право подсудимого на судебное разбирательство в разумные сроки

Соблюдение прав и свобод человека и гражданина – непреходящая ценность. Согласно Конституции Российской Федерации права и свободы человека и гражданина являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства (ст. 2 Конституции Российской Федерации).

Для того чтобы человек и гражданин мог получить надлежащую защиту своих прав, свобод и интересов, его правовой статус должен быть четко определен законом.

Под правовым статусом личности понимается система признанных и закрепленных государством в законодательном порядке прав, свобод и обязанностей, а также законных интересов личности как субъекта права¹. Соответственно правовой статус подсудимого включает в себя его права и обязанности как участника судебного разбирательства, предусмотренные Уголовно-процессуальным кодексом РФ, законные интересы, процессуальные право и дееспособность, ответственность, гарантии.

Наибольшему ограничению и подчас нарушению права и свободы человека подвергаются именно в уголовном судопроизводстве.

Следует отметить, что государством обеспечивается защита прав как лица, потерпевшего от преступления, так и прав лица,

---

¹ Юридический энциклопедический словарь / под. ред. А.Я. Сухарева. М., 1987. С. 356.

совершившего преступление. УПК РФ (ч. 1 ст. 6) специально оговаривает, что уголовное судопроизводство имеет своим назначением защиту прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступления, а также защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Законодатель употребляет термин «обвиняемый» в широком смысле, который также охватывает и понятие «подсудимый», и понятие «осужденный». Так, согласно ч. 1 ст. 47 УПК РФ обвиняемым признается лицо, в отношении которого вынесено постановление о привлечении в качестве обвиняемого или обвинительный акт. Подсудимый – это обвиняемый, по уголовному делу которого назначено судебное разбирательство, а постановление судом обвинительного приговора делает его осужденным (ч. 2 ст. 47 УПК РФ).

В ч. 4 ст. 47 УПК РФ закреплены права обвиняемого, регулирующие его положение на протяжении всего судопроизводства. Особенности, связанные с участием обвиняемого в судебных стадиях процесса закреплены в других нормах УПК РФ. В частности, закон предусматривает, что судебное разбирательство по общему правилу проводится при обязательном участии подсудимого (ст. 247 УПК РФ). Исключений всего два:

1) когда по уголовному делу о преступлениях небольшой или средней тяжести подсудимый ходатайствует о рассмотрении дела в его отсутствие;

2) по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях в случае нахождения подсудимого за пределами территории Российской Федерации и (или) уклонения от явки в суд, если это лицо не было привлечено к уголовной ответственности на территории иностранного государства по данному уголовному делу.

Несомненно, в числе прав, которыми обладает обвиняемый, подсудимый право на судопроизводство в разумные сроки является весьма существенным. До недавнего времени термин «разумный срок» не использовался в российском законодательстве. Однако и международные правовые нормы, и Европейский Суд по правам человека неоднократно отмечали, что указанное право – одно из основных прав лица, участвующего в уголовном судопроизводстве. Так, Международный пакт о гражданских и политических правах в п. «с» ч. 3 ст. 14 говорит, что каждый имеет право при рассмотрении любого предъявленного ему уголовного обвинения быть суди-

мым без неоправданной задержки¹. Конвенция о защите прав человека и основных свобод также гарантирует право подсудимого на справедливое разбирательство в разумный срок независимым и беспристрастным судом (ч. 1 ст. 6)².

Как известно, Европейский Суд по правам человека, куда обращались граждане России с жалобами на то, что предварительное расследование и судебное рассмотрение по их уголовным делам было слишком долгим, с учетом конкретных обстоятельств, признавал жалобы обоснованными. Зачастую нарушение срока разумности уголовного судопроизводства происходит по вине органов власти. Например, в постановлении от 24.07.2003 по делу сестер Смирновых Европейский Суд по правам человека указал, что «разумность длительности производства» должна оцениваться в свете конкретных обстоятельств дела: его сложности, поведения заявителя и поведения компетентных властей. Суд согласился с заявительницами, что предъявленные им обвинения не были особенно сложными. Расследование вмененного заявителям правонарушения – мошенничество при получении кредита и присвоение чужого имущества – при усердном проведении не должно было длиться годы. Признавая, что Смирновы не всегда желали предстать перед юрисдикцией судов, Суд одновременно пришел к выводу, что и со стороны властей (органов предварительного расследования, суда) «имели место существенные периоды бездействия, убедительного оправдания которым нет». Первое судебное рассмотрение дела состоялось спустя почти год после завершения расследования, второе – спустя два года после первого, а окончательное судебное рассмотрение состоялось спустя почти три года после второго. Оценив все обстоятельства дела, Европейский Суд по правам человека сделал окончательный вывод, что продолжительность производства по делу Смирновых не соответствует «требованию «разумного периода времени», а это является нарушением ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Такие же нарушения Европейский Суд по правам человека неоднократно выявлялись и по многим другим делам, вследствие

---

¹ Международный пакт о гражданских и политических правах. (Вместе с Факультативным протоколом к Международному пакту о гражданских и политических правах). Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200(XXI). Международное публичное право: сб. документов. Т. 1. М., 1996. С. 470 – 482.

² Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. и доп. от 11.05.1994) // Бюл. междунар. договоров. 2001. № 3. С. 3 – 44.

чего Россия выплачивала заявителям значительные суммы. В частности, в постановлении Европейского Суда по правам человека от 08.11.2005 по жалобе «Худоеров против Российской Федерации» (жалоба № 6847/020) отмечено, что перерывы в процессе неоднократно происходили по вине государственных органов. Суд не мог начать рассмотрение дела с июня 2000 по апрель 2001 г., так как прокуратура не обеспечивала перевод обвинительного заключения на таджикский язык, родной язык семерых обвиняемых. После того как указанный недостаток был устранен, суды не могли прийти к единому мнению по вопросу о том, было ли существенно нарушено право подсудимых на защиту. Это привело к перерыву в процессе с марта по сентябрь 2002 г. Кроме того, каждый раз, когда материалы дела возвращались в областной суд, у суда уходило от полутора до четырех месяцев на то, чтобы просто назначить судебное заседание. Учитывая это, Европейский Суд счел, что национальные суды не проявили «особого усердия» при отправлении правосудия.

Согласно Конституции Российской Федерации Россия является правовым государством, в нем признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права (ч. 1 ст. 17). Они являются непосредственно действующими, определяют смысл, содержание и применение законов и обеспечиваются правосудием. В соответствии с ч. 3 ст. 1 УПК РФ общепризнанные нормы международного права являются составной частью законодательства РФ, регулирующего уголовное судопроизводство.

Россия, ратифицировав указанные международные акты, приняла на себя обязательство соблюдения содержащихся в них положений. Для реального осуществления прав и свобод человека и гражданина, содержащихся в нормативных правовых актах, государством разработаны правовые гарантии, которые закреплены в законодательстве, в том числе в УПК РФ. Федеральным законом от 30.04.2010 № 68-ФЗ внесены изменения в УПК РФ в связи с принятием Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок», введена статья 6¹ «Разумный срок уголовного судопроизводства», согласно которой уголовное судопроизводство осуществляется в разумный срок (ч. 1 ст. 6¹ УПК РФ). Конечно, разумный срок уголовного судопроизводства не может быть указан с точностью до суток, часов, так как сроки рассмотрения уголовного дела зависят от категории дела, его сложности, количества подсудимых, потерпевших и других различных факторов. Тем не менее при рассмотрении уголовных дел не должно быть волокиты при рассмотрении дела по существу, длительно-

го неназначения судебного разбирательства после поступления уголовного дела в суд. Волокитой признается недобросовестное затягивание дела или решения какого-нибудь вопроса, а также медленное течение дела, осложняемое выполнением мелких формальностей, например излишней перепиской¹. Законодателем разработаны обстоятельства, которые должны учитываться при определении разумности срока судопроизводства. Статья 6¹ УПК РФ к ним относит правовую и фактическую сложность уголовного дела, поведение участников уголовного судопроизводства, достаточность и эффективность действий суда и правоохранительных органов, производимых в целях своевременного осуществления уголовного преследования или рассмотрения уголовного дела, и общая продолжительность уголовного судопроизводства.

Несоблюдение разумных сроков уголовного судопроизводства особенно существенно нарушает права подсудимого в случае избрания в отношении него меры пресечения в виде заключения под стражу. Не случайно это нашло свое отражение в п. 3 ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, который определяет, что «каждый задержанный или заключенный под стражу с подпунктом «С» настоящей статьи ...имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или освобождение до суда». Следует согласиться с Н.И. Самылиной, что регламентация сроков в уголовном процессе преследует цель защиты личности, сведения к минимуму ограничения прав и свобод человека и гражданина, создания условий для своевременного обеспечения возможности осуществления участниками процесса своих уголовно-процессуальных прав².

В то же время нередки случаи, когда сами подсудимые затягивают рассмотрение судом уголовного дела, заявляя множество различных ходатайств (в том числе о замене защитника, отложении судебного заседания и др.), не являющихся в судебное заседание. Для исключения подобных ситуаций полагаем, что в ст. 47 УПК РФ, закрепляющую права обвиняемого, подсудимого, необходимо включить часть 7, которая регламентировала бы и обязанности обвиняемого, подсудимого, в частности, обязанность не чинить препятствия при производстве предварительного следствия и при рассмотрении уголовного дела судом.

---

¹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1995. С. 91.

² Самылина И.Н. «Разумные сроки» в уголовном процессе // Рос. юстиция. 2009. № 4. С. 48.

О.Б. Гребенюк,
аспирант Академии
Генеральной прокуратуры
Российской Федерации

**Законодательная детерминация понятия
«обманутые дольщики» в реализации
надзорной функции прокуратуры при защите их прав**

Действующим законодательством определены предмет и пределы прокурорского надзора за исполнением законов в области защиты прав и интересов физических лиц, участвующих в долевом строительстве, но отсутствие законодательной детерминации понятия «обманутый дольщик», на наш взгляд, является существенным дефектом как жилищного, так и гражданского законодательства в целом.

Законодательное закрепление термина дало бы возможность принять конкретные меры по реальной защите прав граждан, входящих в эту прослойку населения.

Совокупность излагаемых далее тезисов составляет авторскую концепцию понимания существа проблемы.

1. Как добросовестная сторона в договорных отношениях, любой дольщик, договор с которым не исполнен к сроку, обманут в той или иной степени. Но один дольщик при этом не видит трагедии, другой же годы находится в состоянии хронического стресса вплоть до суицидальной настроенности. При наличии посттравматического стрессового расстройства лицо, оставаясь дееспособным, утрачивает психологическую возможность для защиты своих прав. Поэтому тяжелую жизненную ситуацию, в которой такое лицо и члены его семьи оказались в результате неисполнения договора долевого участия, мы считаем необходимым выделить как специфическую особенность явления, отразив ее в законодательном определении термина «обманутый дольщик». Тогда, с нашей точки зрения, в ряде случаев может появиться основание для вступления в процесс прокурора, если тяжелую жизненную ситуацию рассмотреть как «другую уважительную причину, по которой сам гражданин не может обратиться в суд» (ст. 45 ГПК РФ), поскольку расширительное толкование «другой причины» допустимо.

2. Под предлагаемое нами определение понятия подпадают лишь те обманутые дольщики, степень обмана которых является

значительной по своим социальным последствиям, и мы считаем уместным выделить два варианта таких последствий.

Первое. Мы предлагаем рассматривать степень обмана дольщика как значительную, если неисполнение договора долевого участия привело к нарушению прав человека: права на жилище в форме гарантируемой Конституцией возможностью улучшения жилищных условий путем оплаты строительства жилья за счет личных средств и сопутствующих ему прав – невозможность получить медицинскую помощь в поликлинике, устроить детей в детские дошкольные учреждения при утрате регистрации по месту предыдущего жительства. Принцип состязательности и диспозитивности распространяется в полной мере на всех обманутых дольщиков; когда же нарушенные права являются не только гражданскими, но правами человека (право на жилище и ряд связанных с ним личных прав), то в таких случаях, с нашей точки зрения, должен иметь место специальный объект прокурорского надзора.

Второе. Мы считаем необходимым расценивать степень обмана дольщика как значительную, если фактически невозможно реализовать его общегражданские права и прежде всего право на возмещение убытков, возникших при неисполнении или ненадлежащем исполнении договора долевого участия. Такая ситуация возникает, когда фирмы, не исполнившие своих обязательств, не имеют активов, позволяющих им погасить требования дольщиков. «Судебное решение об имущественных взысканиях, принятое в пользу дольщиков, является заведомо неисполнимым»¹.

3. «Обманутый дольщик» – это член многочисленной группы лиц, по отношению к которой имеет место массовая ситуация нарушения права, соответственно, имеются основания процессуального соучастия для понуждения ответчика к исполнению обязанности по возмещению вреда каждому из участников группы.

Мы считаем необходимым ввести в предлагаемое нами определение термина этот признак, поскольку это дало бы возможность шире применять п. 4 ст. 27 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», согласно которому прокурор должен предъявлять или поддерживать в суде иск каждый раз,

---

¹ Юдин А.В. Проблемы судебной защиты прав лиц, реализуемых в рамках национального проекта «Доступное и комфортное жилье – гражданам России» // Правовые вопросы строительства. 2007. № 1.

когда нарушены права и свободы значительного числа граждан; нарушение приобрело особое общественное значение.

К сожалению, до сих пор реализация этой нормы на практике не имеет широкого распространения, если даже дольщики с семьями ведут голодовки и митингуют. Если же определить обманутого дольщика как члена многочисленной группы лиц, то появится правовое основание вхождения в процесс прокурора на правах ведущего истца в защиту прав «значительного числа граждан».

Б.А. Журбин справедливо отмечает, что «на сегодняшний день является слабо разработанной как в науке, так и на нормативном уровне проблема ответственности за правонарушения, допущенные субъектами предпринимательской деятельности, в тех случаях, когда неправомерные действия нарушают интересы широкого круга лиц. Не затрагивая предусмотренные действующим законодательством меры публично-правового воздействия на подобные нарушения (... введение граждан в заблуждение при инвестировании денежных средств в строительство жилья...), следует обратить внимание на практически полное отсутствие процессуального регулирования разбирательства дел по спорам о защите прав значительного количества граждан, которое было бы соразмерно наступившим для них негативным последствиям»¹.

Применение общих правил искового производства (подраздел II раздела II ГПК РФ) при рассмотрении подобных дел создает значительные трудности, например при назначении судами неустойки за просрочку исполнения договоров долевого участия. В ведомственных рекомендациях работникам судебной системы содержатся указания на основании ст. 333 ГК РФ уменьшать неустойку с целью ее справедливого распределения между всеми дольщиками², чего на самом деле не происходит и она снижается до ничтожного уровня. Преодоление этого негативного явления именно в применении к обманутым дольщикам возможно лишь при научной разработке форм обязательного процессуального соучастия с ведущим истцом либо группового иска с учетом зарубежного опыта, например американский тип групповых исков в пользу социально незащищенных истцов.

---

¹ Журбин Б.А. Групповые и производные иски в судебно-арбитражной практике (подготовлен для СПС «КонсультантПлюс»).

² Письмо зам. Председателя Краснодарского краевого суда В.И. Мартыненко от 28.04.2009 председателям районных (городских) судов по вопросу долевого участия в строительстве домов.

4. Правовая уязвимость обманутых дольщиков как основание усиления надзорной функции прокуратуры за соблюдением их прав.

Правовая уязвимость этой категории проявляется следующим образом: в договорных отношениях это слабая сторона (оргпреступность, взявшая под контроль строительные фирмы, имеет возможность привлечь административный ресурс¹ для «борьбы с дольщиками»² в судах), поэтому некоторые работники судебной системы обеспечивают юридическую неуязвимость сильной стороне – недобросовестному контрагенту, не исполнившему договор долевого участия, и стоящей за ним криминальной структурой.

Правовая детерминация статуса обманутых дольщиков могла бы способствовать не только повышению эффективности правозащитной деятельности прокуратуры в области защиты права на жилище, но и усилению ее роли в борьбе с коррупцией и оргпреступностью. Так, если учесть, что практически во всех регионах Российской Федерации в тысячах аналогичных случаев многолетнего «прокручивания» денежных средств обманутых дольщиков имелась возможность возбуждения уголовных дел по п. 2, 3 ст. 159 УК РФ, но дела данной категории даже после прокурорских проверок возбуждались лишь в единичных случаях, то в связи с изложенным возникает вопрос, может ли прокуратура реально защитить жилищные и имущественные права целого слоя населения, уязвимого в юридическом и незащищенного государством в социальном отношении – обманутых дольщиков, чьи кровные денежные средства использовались преступными сообществами для развития криминального бизнеса.

А.И. Гуров предложил определение организованной преступности, согласно которому она представляет собой «относительно массовое функционирование устойчивых управляемых сообществ преступников, занимающихся совершением преступлений как промыслом (бизнесом) и создающих с помощью коррупции систему защиты от социального контроля»³. Мы всецело согласны с таким определением и могли бы дополнить его в том, что такое «массовое функционирование» преступных сообществ даже при отлаженной «системе защиты от социального контроля» проблематично без использования беззащитных в социаль-

---

¹ Третьяков В.И. Организованная преступность как криминологический и социальный феномен // Общество и право. 2009. № 1.

² Юдин А.В. Указ. соч.

³ Гуров А.И. Организованная преступность – не миф, а реальность. М., 1990. С. 19.

ном и правовом отношении «донорских» структур, например, – денежных средств обманутых дольщиков, внесенных по договору долевого участия на счет поглощенной в результате рейдерской акции строительной фирмы – так, на деньги дольщиков «Воджилстроя» в Краснодаре построено казино «Европа».

С законодательным обоснованием введения прокурора в процесс по данной категории дел был бы не просто ограничен приоритет сильной стороны в гражданском процессе, но произвол оргпреступности, которая на сегодняшний день чувствует себя в гражданском процессе хозяином.

5. Рассматривая гражданско-правовое положение обманутых дольщиков в Российском государстве, по нашему мнению, необходимо выделить два аспекта изучения: национально-правовой и международно-правовой. Национально-правовой аспект таков, что «обманутые дольщики» – это чисто российское явление, практически нигде в мире не имеющее аналогов, и для борьбы с этим массовым бедствием необходима соответствующая законодательная база. Предлагалось немало законодательных инициатив в области защиты прав этой группы населения России, но ни один законопроект к настоящему времени не одобрен, и даже сам правовой статус обманутого дольщика не урегулирован.

Необходимость учета международно-правового аспекта связана, во-первых, с признанием примата норм международного права, закрепленного в Конституции России. Во-вторых, с тем, что «обманутые дольщики» – понятие, не существующее в международном праве, но в международном праве имеется понятие уязвимых слоев населения – следовательно, обманутые дольщики как одна из разновидностей этой категории может рассчитывать на защиту именно в рамках международного права. Защита прав человека, в том числе права на жилище, которую уязвимые слои населения самостоятельно осуществить в полной мере не могут, является предметом международно-правового сотрудничества. Некоторые обманутые дольщики из России уже обратились в ЕСПЧ, но решения суда к настоящему времени не обнародованы.

Закон как бы «не видит» это негативное явление, несмотря на то что оно существует десятилетия и имеет массовый характер. Мы предлагаем законодательно закрепить определение понятия «обманутый дольщик» и внести его прежде всего в специальный закон по защите прав обманутых дольщиков (соинвесторов строительства), который не принят до сих пор. Различные варианты этого законопроекта рассматривались Общественной палатой и Госдумой РФ

еще с 2006 года, но будет ли когда-нибудь принят этот закон – неизвестно, поскольку он невыгоден криминальным структурам, контролирующим строительный бизнес. При внесении понятия обманутого дольщика в законодательство возможно более широкое применение п. 3 ст. 35 Федерального закона о прокуратуре, согласно которому прокурор должен предъявлять или поддерживать в суде иск, «если этого требует защита прав граждан и охраняемых законом интересов общества или государства».

На уровне федерального законодательства этот термин отсутствует, лишь на региональном уровне¹ понятие «обманутый дольщик» иногда употребляется без какой-либо конкретизации, сводя явление к частнопроводному спору. Как представляется, такое положение вещей обуславливает актуальность теоретической разработки данной проблемы, ее соотношения с сопутствующими правовыми явлениями с целью совершенствования механизма прокурорского надзора при защите прав этой категории лиц.

О.С. Гузеева,
старший научный сотрудник НИИ
Академии Генеральной прокуратуры
Российской Федерации,
кандидат юридических наук

Защита пользователей сети Интернет от нелегального контента

Согласно Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации к 2015 г. Россия должна войти в двадцатку лидеров глобального информационного общества, а по показателю доступности информационной и телекоммуникационной инфраструктуры для граждан и организаций – войти в десятку стран-лидеров, уровень доступности для населения базовых ус-

---

¹ См. Закон Краснодарского края от 04.04.2008 № 1450-КЗ «О специализированном жилищном фонде в Краснодарском крае» (принят постановлением ЗС Краснодарского края от 26.03.2008 № 327-П); Закон Краснодарского края от 27.10.2009 №1853-КЗ «О внесении изменения в статью 9 Закона Краснодарского края «О специализированном жилищном фонде в Краснодарском крае» (принят постановлением ЗС Краснодарского края от 21.10.2009 № 1576-П).

луг в сфере информационных и телекоммуникационных технологий должен достигнуть 100%¹.

Планируется увеличение количества пользователей сети Интернет в три и более раза, в том числе за счет внедрения электронных образовательных ресурсов в процессы обучения в школах; формирования электронных библиотек и развития интернет-ресурсов в области культуры; объединения в единую информационную сеть всех высших учебных заведений и ведущих научных центров для организации обмена результатами научных исследований и т.д.² При этом «противодействие использованию потенциала информационных и телекоммуникационных технологий в целях угрозы национальным интересам России» объявлено одной из основных задач развития информационного общества в Российской Федерации.

В вопросах противодействия нелегальному контенту, размещенному в сети Интернет, США играют центральную роль.

Принятый в 2001 г. Закон о защите детей от вредного влияния сети Интернет³ ввел для образовательных учреждений, использующих сеть Интернет, государственные дотации на развитие и поддержание компьютерных технологий в школах и библиотеках. Условием получения дотаций является установка образовательными организациями на компьютеры программ, блокирующих доступ к сайтам, содержание которых считается неприемлемым для детей.

Начиная с 1994 г., Национальным Центром статистики в области образования⁴ проводятся ежегодные исследования государственных школ на предмет использования интернет-технологий, в том числе фильтрации. Необходимо отметить, что ситуация с использованием систем фильтрации в школах за прошедший период времени изменилась. Так, до 2001 г. от школ требовали обеспечение какой-либо технической защиты учащихся от «агрессивного контента», а

---

¹ *Стратегия* развития информационного общества в Российской Федерации от 07.02.2008 № Пр-212 // Рос. газ. 2008. 16 фев.

² См. доклад Л.Д. Реймана на заседании Совета Безопасности Российской Федерации 25 июля 2007 г., по итогам которого была утверждена Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации. http://www.minsvyaz.ru/news/?bmSessionCheck&id_news=6193

³ Children's Internet Protection Act (CIPA) // <http://www.sl.universalservice.org/reference/CIPAFaq.asp>

⁴ National Center for Education Statistics (NCES) // <http://nces.ed.gov/surveys/frss/publications/2005015/>

технологии использовались лишь на некоторых компьютерах, имеющих доступ к сети Интернет.

С 2003 г. обязанностью школ стала просветительская деятельность – распространение информации о безопасной технике среди учащихся и их родителей. К этому времени государство потребовало обязательного обеспечения всех без исключения школьных компьютеров технической защитой. В 2003 г. 96% американских школ использовали программы фильтрации и блокирования. Мониторинг доступа учащихся к сети Интернет стал обязанностью учителей и остального персонала школ. Многие школы использовали метод обязательных письменных договоров с родителями, а также с самими учащимися.

Большую роль в формировании образовательной политики в отношении сети Интернет в США играет организация «Безопасность Интернет в Америке» (I-SAFE America)¹, учрежденная Конгрессом США в 1998 году. Целью этой некоммерческой организации является формирование у несовершеннолетних навыков по безопасному и ответственному использованию сети Интернет, воспитание критического отношения и формирование правильной оценки «агрессивного контента», содержащегося в сети Интернет.

Оценка принимаемых мер по осуществлению в США контроля над содержанием информации, доступ к которой могут получить несовершеннолетние, позволяет считать, что в отношении этого контингента введена строгая цензура на поступление к ним информации через Интернет. Строгость и безоговорочность ее требований определяются использованием технологических средств контроля. В таком подходе четко просматривается признание иерархии социальных ценностей: для обеспечения здорового и правильного развития подрастающего поколения возможно использование таких недемократических мер, скомпрометировавших себя, как цензура.

Представляется, что компьютеризация российских образовательных учреждений требует своевременного использования указанного опыта для ограждения молодого поколения российских граждан от воздействия незаконного контента Рунета.

В Германии существует правительственная организация, занимающаяся аморальными юношескими изданиями. Она составляет своеобразный «черный список», куда включаются пор-

---

¹ i-SAFE Inc. // <http://www.isafe.org/channels/?ch=ai>

нографические сайты, ресурсы, пропагандирующие насилие или наркотические средства, а также крайне правые сайты.

Интересен опыт Дрезденского технического университета, инициировавшего модельный проект «Профилактика наркотической зависимости в Интернете», который преследовал цель найти подходящий путь для профилактики наркотической зависимости молодежи, употребляющей наркотики и не имеющей ярко выраженных проблем, связанных с их употреблением. В рамках данного интернет-проекта попытались активизировать молодежь к созданию форума на тему наркотиков. Все молодые люди, которые посещали сайт проекта, привлекались к общению на виртуальном уровне. Целью проекта являлось формирование собственного мнения о наркотиках и проблемах, связанных с их потреблением, а также последующая активность молодежи в смысле «empowerment» (от англ. – уполномочивать) – осознанный отказ от наркотиков¹.

Оценка проекта показала, что работа с молодежью, осуществляемая с помощью сети Интернет, может формировать условия для успешного проведения профилактики наркотической зависимости.

Таким образом, интернет-проекты могут быть эффективными в образовательных процессах тогда, когда удастся увязать их деятельность с потребностями молодежи и, учитывая «маргинальные» опыты, побудить молодежь к обдумыванию собственного стиля жизни.

Многообразные формы общения с использованием сети Интернет укрепляют указанные профилактические процессы. Виртуальные объединения не только распространяют неформальные профилактические знания, но и развивают групповые силы саморегуляции и самообразования, благодаря установлению правил и стандартов, а также побуждают через диалог к оценке собственного опыта.

Нельзя не отметить, что периодически проблемы сети Интернет обсуждаются в Совете Европы. При этом приоритет «контент»-фильтрации отдается ограждению детской аудитории от непристойного и незаконного «контента». В Европейском сообществе давно ведутся дебаты о создании специальных фильтров, позволяющих централизованно отсеивать «вредное содержимое», которое может плохо сказаться на подрастающем поколении. Европа

---

¹ Блум К., Стинг С. Профилактика наркотической зависимости в Интернете // <http://www.psychiatry.ua/books/prevent/paper01.htm>

уделяет внимание безопасному использованию сети Интернет в школах. В европейских странах существуют программы по информированию и обучению пользователей, в первую очередь родителей и преподавателей, тому, как нужно защищать себя и своих детей в сети Интернет от данной информации¹.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы. Распространение в сети Интернет нелегального контента преследует преступную цель – склонение пользователей сети Интернет, в том числе молодежи, к противозаконным действиям – и может рассматриваться как разновидность киберпреступления. Специфика такого распространения определяет своеобразие мер реагирования. К средствам противодействия нелегальному контенту в сети Интернет необходимо отнести следующие.

На наш взгляд, поставщикам услуг в сети Интернет следует расширять практику создания линий экстренной связи, через которые население могло бы сообщать о незаконном содержании существующих в сети Интернет сайтов. Такая система мер противодействия нелегальному «контенту» применяется в ряде стран – Бельгии, Греции, Великобритании. Например, в Греции национальная Комиссия по телекоммуникациям и почте совместно с частными структурами разработала Кодекс по предоставлению телекоммуникационных услуг, в котором определены правила поведения провайдеров. В Бельгии принят Кодекс поведения членов Ассоциации поставщиков Интернет-услуг, содержащий положение об обязанности провайдеров препятствовать публикациям противозаконного содержания.

Провайдеры должны иметь в виду, что некоторая информация, размещенная на принадлежащих им веб-сайтах, может противоречить не только нормам национального законодательства, но и положениям международно-правовых актов. Как только провайдер поставлен в известность о незаконности конкретного содержания, он обязан принять меры по удалению данного ресурса. Если незаконное содержание невозможно устранить с сервера в связи с тем, что оно расположено в другой стране, провайдер должен заблокировать доступ к данному сайту.

Целесообразным представляется установка специальных «фильтрующих» программ, которые призваны «отфильтровывать» интернет-ресурсы, содержащие противоправную информацию и т.д. «Фильтрующее» программное обеспечение на сего-

---

¹ Регулирование Интернета в странах Евросоюза // http://content-filtering.ru/catalog.asp?ob_no=1403

дняшний день может быть трех видов¹: «черные списки», «белые списки», «Платформа выбора содержания сети Интернет».

Программное обеспечение «черные списки» использовалось в программных пакетах первого поколения, которые позволяли заблокировать доступ к 7 тыс. источников, разбитых на 12 категорий.

Программа «белые списки» основана на обратном принципе: блокируется все содержание, за исключением разрешенного. Специалисты отмечают, что это самый безопасный вариант, который может использоваться даже в школах, хотя и противоречащий логике сети Интернет.

Выгодно отличается от старых новый подход к блокированию доступа, основанный на «Платформе выбора содержания сети Интернет» (Platform for Internet Content Selection). Официально «эта платформа была «запущена» в мае 1996 года Консорциумом WWW как попытка установить глобальный стандарт. Подход основан на принципе нейтральной маркировки и фильтрации всех источников с адресами в сети Интернет. Маркировка может быть в виде рейтингов, устанавливаемых для оценки сцен насилия, эротики, используемых выражений и т.п. Чтобы источник можно было «увидеть», он должен иметь маркировку, параметры которой совпадают с установками, сделанными родителями на домашнем компьютере. Рейтинги могут устанавливать сами производители»².

Установление специальных «фильтрующих» содержание программ представляется обоснованным в связи с результатами анкетирования, проведенными автором, об использовании сети Интернет в молодежной среде. Так, по Рунету бесцельно «блуждают» 44% опрошенных, 61% при этом всегда делится друг с другом новой информацией. На вопрос: «Осуществляется ли какой-либо контроль за выбором Вами сайтов для посещения в местах массового доступа к сети Интернет (Интернет-кафе и т.д.)», отрицательно ответили 51% респондентов, «может и осуществляется, но мне об этом ничего не известно» – 42%. Только 3% респондентов сообщили о контроле за информацией со стороны сетевых администраторов, столько же отметило наличие специальных фильтрующих программ.

Представляется, что данные задачи следует принять в качестве базовых для реализации мер по предупреждению распространения нелегального контента в сети Интернет.

---

¹ Сатуров К. Интернет в контексте идеалов «открытого общества». <http://www.medialaw.ru/publications/zip/telecom/2/2.html>

² Там же.

А.А. Джонаков,
соискатель Академии
Генеральной прокуратуры
Российской Федерации

О многообразии понятия «уголовное преследование» в уголовном судопроизводстве

Основные причины неоднозначности в понятии «уголовное преследование», как представляется, заключаются в разнообразии его правового регулирования в уголовно-процессуальном законодательстве (как действовавшем ранее, так и современном), а также во взглядах, высказанных известными учеными-процессуалистами, включавшими в ее содержание самые разные действия.

На сегодняшний день п. 55 ст. 5 УПК РФ определяет уголовное преследование как процессуальную деятельность, осуществляемую стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления.

Более подробно это понятие представлено в юридической литературе. Например, А.П. Гуляев считает: «Уголовное преследование – это комплексная процессуальная деятельность по уголовному делу, объединяемая единой направленностью на изобличение подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, т.е. деятельность, связанная с преследованием конкретного лица, уже поставленного в положение подозреваемого или обвиняемого»¹.

По мнению А.С. Александрова, уголовное преследование – «деятельность, осуществляемая прокурором и другими органами уголовного преследования (участниками уголовного судопроизводства со стороны обвинения) по привлечению к уголовной ответственности лица, предположительно совершившего преступление»².

Автор правильно указывает органы, осуществляющие уголовное преследование, но связывает с деятельностью данных органов привлечение к уголовной ответственности лица, что является

---

¹ См.: *Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации* / под общ. ред. В.В. Мозякова. М., 2002. С. 40.

² См.: *Уголовный процесс России: учебник* / А.С. Александров, Н.Н. Ковтун, М.П. Поляков, С.П. Сереброва; науч. ред. В.Т. Томин. М., 2003. С. 37.

неверным, так как происходит автоматический переход в сферу уголовного права.

В свою очередь А.П. Лобанов уголовное преследование определяет как деятельность следователя, лица, производящего дознание (органа дознания), прокурора, состоящую в собирании фактических данных совершения преступления подозреваемым, обвиняемым, устанавливающую отягчающие и смягчающие наказание (ст. 61 и 63 УК РФ) обстоятельства, а также применение мер процессуального принуждения к подозреваемому и обвиняемому и поддержание обвинения в суде¹. Тем самым автор «приближает» начало уголовного преследования и говорит о том, что в его содержание входит собирание доказательств, подтверждающих совершение преступления не только обвиняемым, но и подозреваемым.

Автор, давая определение уголовному преследованию, фактически раскрывают его содержание.

По мнению А.Я. Дубинского, под уголовным преследованием следует понимать применение к определенному лицу мер процессуального характера, которые выражают отношение к нему органа расследования как лицу, обвиняемому в совершении преступления или подозреваемому в этом².

Здесь автор дает очень сжатое определение уголовного преследования, что не полностью раскрывает его содержание.

По мнению В. Асанова, уголовное преследование представляет собой многоаспектное явление, которое состоит из деятельности уполномоченных субъектов по обнаружению преступления, установлению лица, его совершившего, и предания его суду с целью постановления справедливого приговора и назначения наказания как адекватной меры общественного воздействия на нарушителя охраняемых интересов личности, общества и государства³.

Некоторые авторы подразумевают под уголовным преследованием постепенное и целеустремленное движение по «сле-

---

¹ См.: Лобанов А.П. Функции уголовного преследования и защиты в российском судопроизводстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1996. С. 12.

² См.: Дубинский А.Я. Прекращение уголовного дела в стадии предварительного расследования. М., 2003. С. 23, 24.

³ См.: Асанов В. О содержании уголовного преследования // Уголовное право. 2000. № 4. С. 5.

дам» ставшего известным, общественно опасного деяния до полного раскрытия преступления и изобличения виновных¹.

Довольно полное определение функции уголовного преследования применительно к деятельности прокурора с учетом положений УПК РФ приводит в своем диссертационном исследовании Е.Д. Болтошев. По его мнению, функция уголовного преследования, осуществляемая прокурором на досудебных стадиях, представляет собой «регулируемое уголовно-процессуальным законом направление деятельности, заключающееся в возбуждении уголовного дела против конкретного лица либо даче согласия на такое возбуждение органам расследования, сборе достаточных доказательств, изобличающих подозреваемого в совершении преступления и для привлечения его в качестве обвиняемого, проведении процессуальных действий, допускаемых по решению суда, но требующих предварительного согласия прокурора либо проводящихся с санкции прокурора, в том числе по применению мер пресечения и иных мер процессуального принуждения с целью предотвращения негативного воздействия на нормальный ход расследования и его окончание с обвинительным заключением или обвинительным актом для направления уголовного дела в суд, а также в принятии мер по возобновлению уголовного преследования лиц, подозреваемых в совершении преступления, в случае незаконного и необоснованного отказа органов расследования в возбуждении против них уголовного дела либо его прекращении»².

А.М. Ларин усматривал своеобразное уголовное преследование в производстве по применению принудительных мер медицинского характера, предлагая признать специфическим актом возбуждения уголовного преследования постановление о назначении судебно-психиатрической экспертизы³.

Разделяем мнение ученых, не включающих в уголовное преследование применение мер принуждения, так как их основное назначение состоит не в изобличении виновного и доказывании его вины, а в обеспечении оптимальных условий для доказывания и установления обстоятельств, подлежащих доказыванию.

---

¹ См.: Жогин Н.В., Фаткуллин Ф.Н. Возбуждение уголовного дела. М., 1961. С. 59, 60.

² См.: Болтошев Е.Д. Функции прокурора в досудебных стадиях уголовного процесса. М., 2002. С. 14.

³ Ларин А.М., Мельникова Э.Б., Савицкий В.М. Уголовный процесс России: лекции-очерки. М., 1997. С. 158 – 160.

Аргументами в подтверждение такого мнения могут служить положения УПК РФ о том, что судья (не являющийся органом уголовного преследования) при поступлении к нему уголовного дела должен выяснить в отношении каждого обвиняемого, подлежит ли отмене или изменению избранная мера пресечения (ст. 228 УПК РФ).

З.З. Зинатуллин и Т.З. Зинатуллин пишут, что: «Уголовное преследование начинается с момента возбуждения уголовного дела и имеет место на всем протяжении производства по уголовному делу, во всех стадиях уголовного процесса, т.е. до тех пор, пока есть основания считать определенное лицо виновным в совершении преступления и заслуживающим применения к нему подлежащей отбытию той или иной меры уголовного наказания... По своему содержанию уголовным преследованием охватывается весь возможный комплекс действий и отношений, связанных с задержанием лица по подозрению в совершении преступления, применением мер уголовно-процессуального пресечения, производством комплекса действий, связанных с собиранием, исследованием и оценкой средств доказывания (доказательств, их источников и способов получения и использования доказательств), направленных на его изобличение, обоснование уголовной ответственности и осуждения, а также обеспечение правового режима отбывания назначенного по приговору суда наказания»¹.

Нужно отметить, что обеспечение правового режима отбывания назначенного по приговору суда наказания находится в ведении уголовно-исполнительного законодательства и нельзя включать его в содержание уголовного преследования, так как оно является частью уголовно-процессуального права.

Другой признак, согласно которому уголовное преследование осуществляется стороной обвинения, означает, что во всех уголовно-процессуальных отношениях, связанных с этим понятием, субъектами являются прокурор (ст. 37 УПК РФ), следователь (ст. 38 УПК РФ), руководитель следственного органа (ст. 39 УПК РФ), дознаватель (ст. 41 УПК РФ), начальник подразделения дознания (ст. 40¹ УПК РФ), а также потерпевший, частный обвинитель, гражданский истец и их представители (ст. 42 – 45 УПК РФ).

Причем если перечисленные органы государства и должностные лица, осуществляя уголовное преследование, вступают с

---

¹ Зинатуллин З.З., Зинатуллин Т.З. Общие проблемы обвинения и защиты по уголовным делам. Ижевск, 1997. С. 7 – 10.

лицом, которое такому преследованию подвергается (подозреваемым, обвиняемым), в непосредственные двусторонние уголовно-процессуальные правоотношения (например, возникающие в связи с допросом, задержанием, привлечением лица в качестве обвиняемого), то все другие участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения (физические и юридические лица и их представители) свои действия, направленные на изобличение лица, совершившего преступление, могут производить только через органы расследования, прокуратуры или суд по делам публичного и частно-публичного обвинения.

С.В. Горлова дает свое определение уголовному преследованию и обвинению. По ее мнению, уголовное преследование – это способ реализации охранительной функции государства, представляющий собой деятельность специально уполномоченных органов и должностных лиц по фактическому ограничению прав и выдвижению обвинения изобличаемых, представляющий собой выражение публичности в уголовном процессе. Деятельность по ограничению прав изобличаемых лиц на стадии предварительного расследования представляет собой уголовное преследование в узком понимании слова. Обвинение – это деятельность по обоснованию обвинительного тезиса с помощью доказательств. Таким образом, уголовное преследование шире понятия обвинения и является частью особой охранительной государственной функции, выражается в публичности¹.

Автор раскрывает определение уголовного преследования во-первых, не как уголовно-процессуальную функцию, а как охранительную функцию государства; во-вторых, связывает ее с ограничением прав и выдвижением обвинения изобличаемых, представляющих собой выражение публичности в уголовном процессе, т.е. с принципом публичности, что не раскрывает сущность уголовного преследования как уголовно-процессуальной функции в целом.

Наиболее полное предложение истолкования уголовного преследования выражено в работе А.Б. Соловьева, в которой он определяет уголовное преследование как деятельность специально уполномоченных на то законом должностных лиц (дознателя, начальника и иных работников органов дознания, следователя, руководителя следственного органа, а также прокурора) в пределах их компетенции, в которой имеет право участвовать потерпевший, на-

---

¹ Горлова С.В. Уголовное преследование как проявление публичности в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2006. С. 7.

правленная на обеспечение неотвратимости наказания за совершенное преступление и реализуемая при расследовании преступлений путем возбуждения уголовного дела против конкретного лица, его задержания, применения меры пресечения до и после предъявления обвинения, привлечения к уголовной ответственности, проведения следственных действий, ограничивающих конституционные права подозреваемых и обвиняемых, составления обвинительного заключения и передачи уголовного дела в суд¹.

Исходя из приведенных понятий уголовного преследования, которые являются не последними, приходим к выводу, что таким количеством понятий по одному и тому же вопросу можно ввести в заблуждение читателя, что не допустимо в научной работе.

По нашему мнению, под уголовным преследованием нужно понимать деятельность органов дознания, дознавателя, следователя, руководителя следственного органа, прокурора, а также потерпевшего и частного обвинителя, направленную на установление общественно опасного деяния и изобличение лица, его совершившего.

Д.И. Ережипалиев,
аспирант Академии
Генеральной прокуратуры
Российской Федерации

Действия и решения прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением

Деятельность прокурора по уголовному делу, поступившему после окончания предварительного следствия с обвинительным заключением, регламентируется главой 31 УПК РФ «Действия и решения прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением», которая состоит из двух статей 221 и 222.

Согласно п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ прокурор вправе вернуть уголовное дело следователю для производства дополнитель-

---

¹ Соловьев А.Б. Соотношение уголовного преследования и прокурорского надзора в досудебных стадиях по УПК РФ // Прокурорская и следственная практика. 2005. № 3 – 4. С. 259.

ного следствия, изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков со своими письменными указаниями.

При утверждении обвинительного заключения, а также при возвращении уголовного дела следователю прокурор должен подходить не формально к решению этих вопросов и иметь в виду, что с этого момента он несет ответственность не только за принятое им решение, но и за обоснованность обвинения, достаточность представляемых суду доказательств, правильность составления обвинительного заключения. Недостатки в деятельности прокурора на этом этапе надзора влекут за собой поступление в суд уголовных дел, по которым допущены неполнота следствия, ошибки в квалификации обвинения, что впоследствии может оказаться невосполнимым при рассмотрении дела в суде.

Прокурор, изучая уголовное дело, поступившее с обвинительным заключением, проверяет соответствие выводов следователя установленным в ходе расследования обстоятельствам дела, правильность квалификации содеянного, соблюдение уголовно-процессуальных норм при производстве следственных действий, соответствие имеющихся в деле процессуальных документов требованиям УПК РФ, а также имеются ли достаточные основания для осуществления уголовного преследования в суде.

По результатам изучения материалов уголовного дела прокурор должен прийти к следующим выводам: о полноте, всесторонности и объективности установления обстоятельств дела, подлежащих доказыванию (ст. 73 УПК РФ); о доказанности обвинения и его правильной юридической квалификации; об отсутствии процессуальных нарушений, препятствующих направлению дела в суд; о соответствии обвинительного заключения требованиям ст. 220 УПК РФ и материалам дела.

Прокурором проверяется, соблюдены ли требования УПК РФ при разрешении следствием ходатайств обвиняемого и его защитника, заявленных ими при ознакомлении с материалами дела. При этом производится анализ обоснованности доводов, приводимых обвиняемым и защитником в опровержение обвинения, проверяется, что противопоставляется этим доводам.

В настоящее время получает распространение практика «подключения» к надзору за расследованием по конкретному

уголовному делу работников прокуратуры, в том числе помощников прокурора, которым предстоит выступать в суде по данному уголовному делу в качестве государственного обвинителя.

На это также обратил внимание В.С. Шадрин, который обоснованно пишет, что «подключение заблаговременно назначаемого государственным обвинителем по данному уголовному делу работника прокуратуры к осуществлению по нему надзора за процессуальной деятельностью следователя дает возможность объединить усилия следователя, надзирающего прокурора и государственного обвинителя по обеспечению уголовного преследования»¹.

В связи с этим, на наш взгляд, целесообразно, чтобы уголовное дело, поступившее с обвинительным заключением, было изучено и прокурором, который будет поддерживать по делу государственное обвинение.

При изучении уголовного дела внимание прокурора должно быть обращено и на допустимость доказательств. Проверяется соблюдение процессуальных сроков по делу, наличие приобщенных к делу вещественных доказательств, документов, изъятых при обыске и выемке, документов, характеризующих личность обвиняемого, соответствие уголовно-процессуальному законодательству документов, имеющихся в уголовном деле, в том числе и результатов ОРД.

При выявлении доказательств, полученных с нарушением закона, прокурор обязан вернуть дело для производства дополнительного следствия либо для пересоставления обвинительного заключения без упоминания в нем недопустимых доказательств. В соответствии с ч. 3 ст. 88 УПК РФ прокурор вправе своим постановлением признать доказательство недопустимым.

Изучая постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого, прокурор проверяет соответствие его закону (статьям УК РФ, частям, пунктам статей) и собранным доказательствам по делу. По делам о групповых преступлениях в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемых должны быть отражены и квалифицированы действия каждого соучастника.

---

¹ Шадрин В.С. Уголовное досудебное производство: ответы на вопросы прокуроров и следователей. СПб., 2009. С. 121.

Обстоятельства совершения преступления в обвинительном заключении должны излагаться последовательно, объективно и в соответствии с собранными доказательствами. Должны быть указаны время, место, способы, мотивы, цели, последствия и другие обстоятельства совершения преступления, имеющие значение для уголовного дела, его квалифицирующие признаки. При этом формулировка обвинения, изложенного в обвинительном заключении должна соответствовать содержанию текста постановления о привлечении в качестве обвиняемого.

При выявлении прокурором обстоятельств, препятствующих рассмотрению уголовного дела судом, отсутствия достаточных доказательств виновности обвиняемого, неправильной квалификации содеянного он обязан своим мотивированным постановлением возвратить уголовное дело следователю для дополнительного следствия, изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемого или составления нового обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков.

При возвращении уголовного дела следователю прокурором выносится мотивированное постановление, содержащее указания об устранении нарушений и недостатков, которое может быть обжаловано следователем с согласия руководителя следственного органа вышестоящему прокурору, а при несогласии с его решением – Генеральному прокурору Российской Федерации с согласия Председателя Следственного комитета Российской Федерации либо руководителя следственного органа соответствующего федерального органа исполнительной власти (при федеральном органе исполнительной власти). Вышестоящий прокурор в течение 72 часов с момента поступления соответствующих материалов выносит одно из следующих постановлений: об отказе в удовлетворении ходатайства следователя; об отмене постановления нижестоящего прокурора. В этом случае вышестоящий прокурор утверждает обвинительное заключение и направляет уголовное дело в суд. Следователь и руководитель следственного органа, хотя вправе и не согласиться с постановлением прокурора, возвратившего уголовное дело для производства дополнительного следствия, окончательное решение (в форме постановления) при обжаловании постановления прокурора принимается вышестоящим прокурором либо Генеральным прокурором Российской Федерации. В случае, если поступившее с обвинитель-

ным заключением уголовное дело подсудно вышестоящему суду, прокурор своим постановлением направляет дело вышестоящему прокурору для утверждения обвинительного заключения (п. 3 ч. 1 ст. 221 УПК РФ).

Принимаемые в ходе предварительного расследования меры по повышению качества предварительного расследования, в том числе прокурорами для обеспечения законности расследования, привели к тому, что число уголовных дел, возвращенных судом прокурору в порядке, предусмотренном ст. 237 УПК РФ, сократилось в 2009 г. (-14,7%)¹.

В то же время отсутствие у прокурора права при поступлении уголовного дела с обвинительным заключением своим постановлением исключить из него отдельные пункты обвинения либо переqualифицировать обвинение на менее тяжкое противоречит самой сути деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве как государственного обвинителя, приводит к неоправданным процессуальным издержкам.

Как справедливо указывает Н.В. Буланова, «условием надлежащего исполнения возложенной на прокурора обязанности по участию в судебном разбирательстве и поддержанию государственного обвинения является возможность его участия в формировании позиции стороны обвинения по вопросам уголовно-правовой квалификации содеянного и объема доказательств, подлежащих исследованию в судебном заседании, на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, по крайней мере, с момента поступления к нему уголовного дела»².

Поэтому, на наш взгляд, представляется обоснованным надделение прокурора по поступившему к нему с обвинительным заключением уголовному делу процессуальными полномочиями, в частности, своим постановлением исключать из обвинительного заключения отдельные пункты обвинения либо переqualифицировать обвинение на менее тяжкое.

---

¹ Статистический отчет «О работе прокурора» за 2009 г. по форме «П».

² См.: Буланова Н.В. Осуществление прокурором уголовного преследования при утверждении обвинительного заключения // Вестн. Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2008. № 6 (8). С. 28, 29.

Т.Ю. Изгагина,
младший научный сотрудник НИИ
Академии Генеральной прокуратуры
Российской Федерации

Проблемные вопросы отказа государственного обвинителя от обвинения по уголовному делу

В соответствии со ст. 35 Закона о прокуратуре прокурор участвует в рассмотрении дел судами в случаях, предусмотренных процессуальным законодательством Российской Федерации и другими федеральными законами.

Осуществляя уголовное преследование, прокурор выступает в качестве государственного обвинителя и поддерживает от имени государства в суде по уголовному делу обвинение, обеспечивая его законность и обоснованность.

В ст. 6 УПК РФ закреплены положения о том, что уголовное судопроизводство имеет своим назначением:

- 1) защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений;
- 2) защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

В связи с этим на законодательном уровне установлено, что уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию.

Таким образом, в ч. 7 ст. 246 УПК РФ установлена обязанность государственного обвинителя отказаться от обвинения в случае, если в ходе судебного разбирательства он придет к убеждению, что представленные доказательства не подтверждают предъявленное подсудимому обвинение.

При этом государственный обвинитель обязан также изложить суду мотивы отказа.

Полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства влечет за собой прекращение уголовного дела или уголовного преследования полностью или в соответствующей его части по основаниям, предусмотренным п. 1 и 2 ч. 1 ст. 24 и п. 1 и 2 ч. 1 ст. 27 УПК РФ.

Несмотря на наличие в УПК РФ норм, регулирующих порядок и основания отказа государственного обвинителя от обвинения, в процессе правоприменения возникают проблемные вопросы, которые необходимо разрешать.

По данным проведенного опроса 85 судей, адвокатов и прокуроров г. Оренбурга¹ на вопрос: «Считаете ли Вы оправданным предусмотренное законодателем правило о прекращении уголовного дела частно-публичного и публичного обвинения в случае, если государственный обвинитель отказывается от поддержания обвинения, а потерпевший с отказом от обвинения не согласен», большинство опрошенных (62%) ответили отрицательно, 38% – утвердительно.

По мнению 39% респондентов, в случае отказа и прокурора и потерпевшего от поддержания обвинения судья должен вынести постановление о прекращении уголовного дела, 8% – о прекращении уголовного преследования, и 53% опрошенных считают, что судья должен вынести оправдательный приговор.

По мнению 73% опрошенных, потерпевшего следует наделять правом самостоятельного поддержания обвинения в случае отказа прокурора от поддержания государственного обвинения, 27% респондентов считают, что потерпевший таким правом обладать не должен.

Так, Н. Яковлев² и К. Амирбеков³ обращают внимание на проблему возможности обжалования судебных постановлений, принятых в связи с отказом государственного обвинителя от поддержания обвинения, в том числе в порядке надзора.

Х. Лукожев⁴ и О. Кузнецова⁵ поднимают вопросы обязательности для суда такой позиции государственного обвинителя. В. Кальницкий⁶ обсуждает возможность возвращения к первоначальной

---

¹ Багаутдинов Ф., Васин А. Последствия отказа прокурора от обвинения в суде // Рос. юстиция. 2000. № 3. С. 37, 38.

² Яковлев Н.М. Ограничение прав потерпевших на свободный доступ правосудия // Журн. рос. права. 2005. № 5. С. 16.

³ Амирбеков К. Проблемы реализации обвинительной функции прокуратуры России в условиях реформирования судопроизводства // Уголовный процесс. 2004. № 2. С. 89, 90.

⁴ Лукожев Х.М. Отказ государственного обвинителя от обвинения в суде по УПК Российской Федерации // Рос. судья. 2005. № 8. С. 11.

⁵ Кузнецова О.Д. Тактика ведения защиты и поддержания государственного обвинения в суде первой инстанции // Уголовный процесс. 2005. № 1. С. 45, 46.

⁶ Кальницкий В. Высказанная обвинителем позиция предопределяет пределы судебного разбирательства // Рос. юстиция. 2002. № 12. С. 34, 35.

чальному обвинению, если в судебном заседании имел место отказ от обвинения.

Обсуждая последствия отказа от обвинения необходимо учитывать также следующие положения.

В первую очередь это проблема перерастания публичного обвинения в частное¹.

Обобщение судебной практики свидетельствует, что этот вопрос достаточно актуален, поскольку суды нередко допускают ошибки при его разрешении.

Так, С. обвинялся органами предварительного следствия в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 112 УК РФ. В ходе судебного заседания государственный обвинитель, в отсутствие потерпевшего, отказался от ранее предъявленного подсудимому обвинения и просил суд переквалифицировать его действия на ч. 1 ст. 116 УК РФ.

Мировой судья, учитывая, что потерпевший находился в момент рассмотрения дела в психоневрологическом диспансере, посчитал возможным продолжить поддержание обвинения государственным обвинителем в силу ч. 4 ст. 20 УПК РФ и по результатам рассмотрения дела постановил обвинительный приговор. Апелляционная инстанция оставила приговор без изменения.

Кассационная инстанция отменила приговор, прекратив уголовное дело. В обоснование принятого решения судом указано следующее. В соответствии с ч. 2 ст. 20 УПК РФ уголовные дела о преступлении, предусмотренном ст. 116 УК РФ, могут быть возбуждены только по заявлению потерпевшего или его законного представителя. Как следует из материалов дела, потерпевший с заявлением о привлечении С. к уголовной ответственности в суд не обращался, дело возбуждено на основании рапорта сотрудника милиции по факту совершения преступления. Данных о том, что на момент возбуждения уголовного дела потерпевший не был способен самостоятельно защищать свои права, в деле нет. Напротив, в ходе предварительного следствия он неоднократно давал показания, ознакомился с материалами дела, ему была вручена копия обвинительного заключения. При этом желая о привлечении обвиняемого к уголовной ответственности он не высказывал.

На момент рассмотрения дела мировым судьей в материалах дела доказательств того, что потерпевший не мог самостоятельно осуществлять свои права, нет, а следует лишь, что потер-

---

¹ *Кириллова Н.* Правовые последствия отказа от обвинения // *Законность.* 2006. № 10. С. 50 – 52.

певший не может явиться в суд к указанной дате. Ходатайств об отложении судебного заседания либо о рассмотрении дела с его участием от него не поступало. При таких обстоятельствах, по мнению судебной коллегии, государственный обвинитель не мог продолжать участвовать в рассмотрении дела частного обвинения из-за отсутствия желания потерпевшего привлечь подсудимого к уголовной ответственности.

Таким образом, в указанных случаях государственный обвинитель должен отказаться от поддержания публичного обвинения, однако он не может продолжать поддержание частного обвинения, если от потерпевшего не поступило соответствующих заявлений, поскольку это право потерпевшего. При перерастании публичного обвинения в частное необходимо выяснить у потерпевшего, желает ли он поддерживать обвинение против подсудимого, не хочет ли прекратить дело примирением и, учитывая его мнение, разрешить дело.

Если потерпевший не участвовал в рассмотрении дела и не осведомлен о том, что произошло перерастание обвинения из публичного в частное, суд должен объявить перерыв, уведомив его о сложившейся ситуации и известив о времени и месте дальнейшего рассмотрения дела, разъяснить ему права и последствия сложившейся ситуации, после чего продолжить рассмотрение дела по правилам гл. 41 УПК РФ.

При этом неявка извещенного надлежащим образом потерпевшего для дальнейшего рассмотрения дела должна влечь последствия, предусмотренные ч. 3 ст. 249 УПК РФ, – прекращение уголовного дела по основанию, предусмотренному п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ. Участие же государственного обвинителя в данном случае возможно лишь при наличии обстоятельств, указанных в ч. 4 ст. 20 УПК РФ. Именно таким образом, по нашему мнению, можно разрешить подобную ситуацию, обеспечив соблюдение принципа законности и не нарушая прав участников уголовного процесса.

Еще одним из проблемных вопросов, на котором заостряют внимание ученые, занимающиеся институтом отказа государственного обвинителя от обвинения, является ущемление прав потерпевшего при защите своих имущественных прав, вытекающих из уголовного дела в случае отказа государственного обвинителя от обвинения.

Согласно ч. 10 ст. 246 УПК РФ прекращение уголовного дела ввиду отказа государственного обвинителя от обвинения,

равно как и изменение им обвинения, не препятствует последующему предъявлению и рассмотрению иска в порядке гражданского судопроизводства.

Учитывая, что последствием отказа государственного обвинителя от обвинения является прекращение уголовного дела или уголовного преследования, неясно, к кому в этом случае потерпевший будет предъявлять гражданский иск. Потерпевший не может предъявить иск к лицу, в отношении которого постановлением судьи прекращено уголовное преследование по реабилитирующим основаниям. Подобная ситуация означает, что потерпевшему не к кому предъявлять иск, даже если он и считает, что вина подсудимого подтверждается собранными доказательствами. А это как раз и означает, что права потерпевшего остаются незащищенными. Кроме того, ч. 4 ст. 61 ГПК РФ предусматривает, что вступивший в законную силу приговор суда по уголовному делу обязателен для суда, рассматривающего дело о гражданско-правовых последствиях действий лица, в отношении которого вынесен приговор, по вопросам о том, имели ли место эти действия и совершены ли они этим лицом.

В гражданском процессе действует принцип преюдициальности в отношении двух фактов: 1) факта совершения преступления и 2) факта совершения преступления конкретным лицом. Указанный принцип можно отнести не только к приговорам, но и к постановлениям о прекращении уголовного дела в связи с отказом от обвинения, поскольку последствия этого – установление недоказанности факта совершения преступления либо факта того, что преступление совершено конкретным лицом.

Таким образом, право потерпевшего обратиться с иском в порядке гражданского судопроизводства при отказе государственного обвинителя от обвинения реализовать очень сложно. Оно может быть осуществлено единственным способом – если потерпевший в порядке уголовного судопроизводства добьется отмены постановления о прекращении уголовного дела, вынесенного на основании отказа государственного обвинителя от обвинения, и будет постановлен обвинительный приговор в отношении подсудимого либо уголовное дело будет прекращено по нереабилитирующим основаниям.

В сложившейся ситуации учеными предлагается ряд мер, направленных на соблюдение прав потерпевших при отказе государственного обвинителя от обвинения.

Так, Н.М. Яковлев¹ считает, что отказ прокурора от обвинения должен быть изложен в письменной форме с обоснованием

---

¹ Яковлев Н.М. Указ. соч. С. 16.

своей позиции о недоказанности предъявленного обвинения полностью или частично. Целесообразность данной меры обуславливается следующими факторами.

Во-первых, отказ прокурора от обвинения оказывает существенное влияние на права потерпевшего, так как влечет за собой прекращение уголовного дела.

Во-вторых, именно мотивированная позиция прокурора об отказе от обвинения является для суда основой его решения о прекращении уголовного дела. Без письменного текста отказа прокурора решение суда может быть недостаточно обоснованным.

В-третьих, судья обязан ознакомить потерпевшего и других участников процесса с мотивировкой отказа прокурора от обвинения. Только имея изложенный письменно отказ государственного обвинителя от обвинения, потерпевший сможет сформулировать свое несогласие, высказать обоснованное возражение против отказа и настаивать на продолжении судебного разбирательства.

На наш взгляд, данная позиция верна, поскольку п. 18 ч. 2 ст. 42 УПК РФ закреплено право потерпевшего приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, следователя, прокурора и суда. В отсутствие отказа государственного обвинителя от обвинения, изложенного в письменной форме, потерпевший утрачивает возможность незамедлительно воспользоваться своим правом на обжалование, по его мнению, незаконного решения государственного обвинителя. При законодательном закреплении обязанности государственного обвинителя излагать свой отказ от обвинения в письменной форме в полной мере будет реализовано право потерпевшего по обжалованию принятого решения. Например, потерпевший сможет заявить ходатайство об отложении судебного разбирательства на срок обжалования отказа государственного обвинителя от обвинения. В случае удовлетворения данной жалобы потерпевший вправе заявить ходатайство в судебном заседании о замене государственного обвинителя по делу. Это не противоречит положениям УПК РФ и, в частности, ст. 42 УПК РФ. Кроме того, данная обязанность поможет сократить случаи необоснованного отказа государственного обвинителя от обвинения.

По нашему мнению, необходимо в УПК РФ законодательно закрепить не только обязанность государственного обвинителя излагать отказ от обвинения в письменной форме, но предусмотреть необходимость его согласования с вышестоящим прокурором. Внесение соответствующих дополнений в УПК РФ также будет соответствовать действующему законодательству, поскольку в соответствии с приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 20.11.2007 № 185 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уго-

ловного судопроизводства» предусмотрены согласование позиции государственного обвинителя в случае, если он придет к выводу о необходимости отказа от обвинения, с прокурором, утвердившим обвинительное заключение, а также необходимость предоставления в суд мотивированного отказа в письменной форме.

Кроме того, подлежат законодательному закреплению требования, предъявляемые к документу, именуемому отказом от обвинения. По сути, данный документ должен иметь структуру обвинительного заключения либо обвинительного акта, поскольку мотивированность отказа должна выражаться в приведении государственным обвинителем совокупности доказательств, на основании которых он пришел к выводу о необходимости отказа от поддержания государственного обвинения.

Несмотря на то что Конституционным Судом Российской Федерации¹ был разрешен вопрос о возможности обжалования потерпевшим определения суда о прекращении уголовного дела в связи с отказом государственного обвинителя от обвинения, среди ученых существует мнение о том, что отказ от поддержания обвинения прокурором не должен быть обязательным для суда и не может повлечь автоматически вынесения определения о прекращении уголовного дела. По результатам такого судебного разбирательства, исходя из достаточности доказательств, суд мог бы вынести или обвинительный, или оправдательный приговоры.

Н.М. Гаевский считает, что необходимо внести изменения в ч. 7 ст. 246 УПК РФ о том, что в случае, если между государственным обвинителем и потерпевшим, его законным представителем и (или) представителем не достигнуто соглашение и потерпевший и его представители настаивают на уголовном преследовании, то суд продолжает рассмотрение уголовного дела в обычном порядке, но уже без участия данного государственного обвинителя².

На наш взгляд, данные изменения недопустимы, поскольку в соответствии с действующим законодательством правом поддержания государственного обвинения наделен прокурор. Потерпев-

---

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 08.12.2003 № 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан».

² *Гаевский Н.М.* Некоторые актуальные вопросы неравенства сторон по уголовно-процессуальному законодательству (стадия судебного производства) // Сб. матер. междунар. науч.-практич. семинара: НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ. 6 – 7 октября 2003 г. / под ред. В.Г. Бессарабова. М., 2004. С. 64, 65.

ший является заинтересованным лицом в рассмотрении уголовного дела, в то время как прокурор должен обеспечить объективность его рассмотрения.

Таким образом, в настоящее время институт отказа государственного обвинителя от обвинения требует тщательного изучения и внесения необходимых изменений в действующее уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации.

М.М. Какителашвили,
научный сотрудник НИИ
Академии Генеральной прокуратуры
Российской Федерации,
кандидат юридических наук

Прокурорский надзор за исполнением законов избирательными комиссиями

Научная дискуссия о допустимости и пределах прокурорского надзора за избирательными комиссиями выявила интерес многих авторов к данной проблематике¹, что свидетельствует об актуальности и о востребованности настоящего исследования, особенно накануне предстоящих 10.10.2010 выборов в представительные (законодательные) органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления.

Трудно переоценить роль избирательных комиссий в избирательном процессе. Избирательная комиссия – коллегиальный орган, организующий и обеспечивающий подготовку, а также проведение выборов (подп. 22 ст. 2 Федерального закона от

---

¹ См., напр.: *Мазова О.В.* Особенности юридической ответственности избирательной комиссии как юридического лица // Журн. рос. права. 2009. № 9; *Добровольский П.Е., Камалов Ф.С.* Некоторые вопросы формирования и правового статуса избирательных комиссий муниципальных образований // Особенности реализации избирательного законодательства на современном этапе: матер. Всероссийской науч.-практич. конференции. Тюмень, 2008; *Бузин А.Ю.* Проблемы правового статуса избирательных комиссий в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004; *Кулиговская Э.Г.* Совершенствование правового статуса и организации деятельности избирательных комиссий в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005 и др.

12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»¹ (далее – Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ). При этом избирательная комиссия является важным участником выборного процесса, насколько она правомерно организует и проведет выборы, настолько эффективно будет реализовано конституционное право граждан избирать и быть избранными (ст. 32 Конституции Российской Федерации).

Не случайно, что одной из причин «цветных революций» в ряде стран Союза Независимых Государств явилась потеря доверия общества к органам, обеспечивающим проведение выборов, как справедливо отметил бывший Председатель Центральной избирательной комиссии Российской Федерации А.А. Вешняков².

Между тем в настоящее время в деятельности избирательных комиссий отмечаются многочисленные нарушения федерального законодательства о выборах. Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации охарактеризовал сложившуюся ситуацию таким образом: «Общий знаменатель подавляющего большинства обращений граждан в связи с нарушением их избирательных прав – плохая, а порой и политически ангажированная работа территориальных и участковых избирательных комиссий. Никакие даже самые совершенные правила проведения голосования и подсчета голосов не станут панацеей от злоупотреблений, если исполнение этих правил будут контролировать полностью зависимые от местных органов власти люди»³.

Действительно, по сложившейся практике участковые избирательные комиссии состоят, как правило, из учителей, работников жилищно-коммунального хозяйства, врачей и др. Возглавляют же избирательные комиссии зачастую руководители местных учреждений ЖКХ или директора школ. При этом предусмотренные действующим законодательством ограничения на количество служащих в избирательной комиссии не всегда обеспечивает независимость в принятии решений (п.5 ст. 22, п. 3 ст. 29 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ).

---

¹ СЗ РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.

² Коммерсант. 2005. 1 июля.

³ Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации В.П. Лукина за 2009 г. // Рос. газ. 2010. 28 мая.

Вместе с тем ни в Федеральном законе от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»¹ (далее – Закон о прокуратуре), ни в Федеральном законе от 12.06.2002 № 67-ФЗ избирательные комиссии среди объектов прокурорского надзора напрямую не указаны.

Неоднозначна и практика прокурорского надзора в рассматриваемой сфере. В частности, в ответе начальника управления по надзору за соблюдением прав и свобод граждан Генеральной прокуратуры Российской Федерации Л.И. Коптевой (от 09.01.2008 № 72/1-р-08) на обращение М.В. Николаева разъяснено, что органы прокуратуры не наделены полномочиями по надзору за Центральной избирательной комиссией Российской Федерации².

Однако в 2009 г. прокуратура г. Москвы вынесла представление на решение Московской городской избирательной комиссии о регистрации инициативной группы по ходатайству о проведении референдума по восстановлению прямых выборов мэра столицы, а также о направлении документов в Московскую городскую Думу в соответствии с Законом г. Москвы от 18.04.2007 № 11 «О референдумах в городе Москве»³.

В связи с этим представляется необходимым проанализировать позицию прокуратуры субъекта Российской Федерации, которая в 2009 г. внесла представление в отношении избирательной комиссии (комиссии референдума) субъекта Федерации в части организации проведения референдума, при том, что ранее Генеральная прокуратура Российской Федерации констатировала отсутствие у прокуратуры полномочий по надзору за избирательными комиссиями.

В настоящее время в соответствии с Федеральным законом от 12.06.2002 № 67-ФЗ в Российской Федерации действуют следующие избирательные комиссии: Центральная избирательная комиссия Российской Федерации; избирательные комиссии субъектов Российской Федерации; избирательные комиссии муниципальных образований; окружные избирательные комиссии; тер-

---

¹ СЗ РФ.1995. № 47. Ст. 4472.

² См., также: *Прокурорский надзор за исполнением законов об избирательных правах граждан*: пособие. М., 2010.

³ Взгляд: деловая газета. 2009. 2 июня.

риториальные (районные, городские и др.) комиссии; участковые комиссии.

Центральная избирательная комиссия Российской Федерации (далее – ЦИК РФ), по сути, является федеральным государственным органом, что, однако, нормативно не закреплено. В свою очередь, избирательные комиссии субъектов Российской Федерации – государственные органы субъектов Федерации, также организующие подготовку и проведение выборов.

Анализ действующего законодательства о выборах субъектов Федерации показал, что во всех регионах избирательные комиссии субъектов Российской Федерации имеют статус государственных органов власти, в 63 субъектах Федерации действуют свои специальные законы, регламентирующие деятельность региональных избирательных комиссий. В отдельных субъектах Федерации приняты избирательные кодексы¹, в дополнение к законам о выборах и специальным законам об избирательных комиссиях субъектов Федерации в 31 регионе приняты дополнительные законы, регламентирующие систему и статус территориальных и муниципальных избирательных комиссий².

Статус избирательной комиссии субъекта как органа государственной власти субъекта определен в региональных законах. При этом установлена возможность для членов избирательных комиссий работать на постоянной (штатной) основе и являться государственными гражданскими служащими субъектов Российской Федерации.

Необходимо отметить, что п. 7 ст. 3 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ запрещает вмешательство в деятельность

---

¹ Напр., Кодекс Республики Башкортостан о выборах; Избирательный кодекс Республики Татарстан; Кодекс Алтайского края о выборах, референдуме, отзыве депутатов; Избирательный Кодекс Приморского края; Избирательный кодекс Хабаровского края; Избирательный кодекс Белгородской области; Избирательный кодекс Владимирской области; Кодекс Костромской области; Избирательный кодекс Свердловской области; Избирательный кодекс Тверской области.

² Такие законы приняты: в республиках Дагестан, Калмыкия, Коми, Ставропольском крае, Архангельской, Волгоградской, Ивановской, Иркутской, Кировской, Курганской, Липецкой, Магаданской, Мурманской, Новгородской, Новосибирской, Оренбургской, Пензенской, Псковской, Ростовской, Саратовской, Сахалинской, Смоленской, Томской, Тульской, Ульяновской, Челябинской областях, Еврейском, Ненецком, Ханты-Мансийском, Чукотском, Ямало-Ненецком автономных округах.

комиссий со стороны законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти.

Автору представляется, что прокурорский надзор за исполнением законов федеральными органами исполнительной власти, представительными (законодательными) и исполнительными органами субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления в полной мере подразумевает и надзор за избирательными комиссиями субъектов Федерации. И хотя в действующем Законе о прокуратуре в числе объектов, за исполнением законов которыми осуществляется надзор, избирательные комиссии напрямую не названы, однако они в полной мере подпадают под этот перечень как органы государственной власти субъектов Российской Федерации, в силу ст. 21 Закона о прокуратуре.

Тем более, что законодательство ряда субъектов наделяет избирательные комиссии, как это предусматривается, например, в Москве, правом принимать нормативные акты в форме решений Городской комиссии, которые обязательны не только для органов исполнительной власти города Москвы, органов местного самоуправления, государственных учреждений, но и для федеральных органов исполнительной власти¹.

Кроме того, от правильного исполнения избирательными комиссиями законодательства (в том числе избирательного, финансового, бюджетного, о государственной гражданской службе) зависит и легитимность формируемых на основе выборов органов государственной власти Российской Федерации.

Перечисленные факторы обуславливают необходимость прокурорского надзора за избирательными комиссиями субъектов Российской Федерации и нижестоящими комиссиями. Поскольку судебный контроль за процессом выборов в России явно недостаточен, необходим действенный, беспристрастный, основанный на принципе верховенства права надзор за избирательными комиссиями. Поэтому выработка механизмов прокурорского надзора за избирательными комиссиями – новая задача, которая должна как можно скорее получить свое однозначное разрешение.

---

¹ П. 2 ст. 6 Закона г. Москвы от 23.04.2003 № 23 «О Московской городской избирательной комиссии».

К.В. Камчатов,
старший научный сотрудник НИИ
Академии Генеральной прокуратуры
Российской Федерации,
кандидат юридических наук

Понятие, содержание и значение процессуальных гарантий участников уголовного процесса

Правовая гарантия, исходя из ее смысла, функционирует в сфере правоотношений, поэтому ее природа должна быть неразрывно связана с определенными нормами права. Процесс ее реализации должен быть законодательно закреплён и находиться на одном или более высоком уровне юридической силы по отношению к объекту своего обеспечения. Поскольку правовая гарантия имеет нормативную юридическую природу, к ней должны применяться все требования, равно относящиеся и к нормативным правовым источникам. Видится, что именно с данной позиции понимания правовой гарантии необходимо проводить дальнейшее исследование.

С.С. Алексеев определяет гарантии прав и свобод человека как систему условий, средств и способов, обеспечивающих всем и каждому равные правовые возможности для выявления, приобретения и реализации своих прав и свобод¹.

Ю.В. Кудрявцев даёт понятие гарантий как условия и средства, закреплённые в Конституции Российской Федерации, законах и иных нормативных правовых актах и обеспечивающие реальные возможности охраны и беспрепятственного осуществления, включая восстановление прав и свобод человека и гражданина и надлежащее исполнение обязанностей².

В.В. Невинский понимает гарантии как важнейший элемент правового положения личности, представляющий собой условия и средства обеспечения и защиты прав, свобод и обязанностей человека и гражданина³.

Представляется, что процесс функционирования гарантий предполагает наличие механизма их беспрепятственного осуще-

---

¹ Алексеев С.С. Теория государства и права: учеб. пособие. М., 1998. С. 388 – 390.

² Кудрявцев Ю.В. Комментарий к Конституции РФ. М., 1996. С. 44.

³ Невинский В.В. Конституционное право России: учебник / отв. ред. А.Н. Кокотов и М.И. Кукушкин. М., 2004. С. 149.

ствления, который включает методы, средства, способы и прочее, обеспечивающие реализацию прав заинтересованных лиц и дополнительно защищенных возможностью восстановления нарушенных прав.

Теперь перейдем к исследованию определений непосредственно правовых гарантий.

Н.А. Боброва под правовыми гарантиями понимает «юридически значимые и организационно-определенные средства реализации предписаний, содержащихся в нормах права, способы достижения целей этих норм, организационно-правовые условия перевода регулирующих возможностей права в действительность, в фактическое поведение субъектов правоотношений»¹.

А.В. Зиновьев правовыми гарантиями называет условия и средства, реально обеспечивающие человеку и гражданину возможность пользоваться правами и свободами и неукоснительно исполнять возложенные на них обязанности².

В целях полноты проведения исследования было бы обоснованно привести несколько определений непосредственно конституционных гарантий.

А.И. Спицин дает следующее определение конституционных гарантий – «совокупность установленных конституцией процессуальных прав, служащих средством защиты основных материальных прав и свобод человека, а также установленные конституцией правозащитные институты вместе с основными принципами их деятельности, и, наконец, содержащиеся в конституции особые правила, устанавливающие пределы и условия возможного ограничения прав и свобод человека»³. Необходимо отметить, что данное определение интересно для анализа. Автор указывает на связь гарантий с правовыми принципами, что также имеет под собой обоснованную почву.

В.Е. Чиркин определяет конституционные гарантии как средства, способы, механизмы, которые обеспечивают осуществление конституционных прав и выполнение основных обязанностей человека по отношению к обществу, государству, коллективам, другим лицам, делают эти права и обязанности реальными⁴.

---

¹ Боброва Н.А. Гарантии реализации государственно-правовых норм. Воронеж, 1984. С. 19.

² Зиновьев А.В. Конституционное право России: учеб. пособие. СПб., 2005. С. 101.

³ Спицын А.И. Конституционно-правовые гарантии защиты прав и свобод военнослужащих-преподавателей военно-учебных заведений РФ. СПб., 2005. С. 181, 182.

⁴ Чиркин В.Е. Конституционное право России: учебник. М., 2001. С. 179.

В процессе реализации своих прав и законных интересов участник уголовного процесса в абсолютном большинстве случаев находится под защитой именно процессуальных гарантий, являющихся подвидом правовых. Перейдем к рассмотрению именно понятия процессуальных гарантий.

Т.Н. Добровольская считает уголовно-процессуальные гарантии, установленные нормами уголовно-процессуального закона, различными по своему содержанию средствами, в совокупности своей обеспечивающие участвующим в деле лицам возможность реализовать предоставленные им права¹.

По мнению Н.И. Капинуса, процессуальные гарантии представляют собой совокупность процессуальных норм, регламентирующих права и обязанности субъектов уголовного судопроизводства, и осуществляемой ими согласно требованиям законности деятельности по применению и реализации процессуальных норм².

А.С. Кобликов, А.В. Малько понимают под процессуальными гарантиями установленные законом средства и способы обеспечения прав и законных интересов обвиняемого, потерпевшего и иных лиц, участвующих в судопроизводстве³.

Под процессуальными гарантиями В.В. Кожевников понимает систему правовых средств, обеспечивающих эффективное решение задач уголовного судопроизводства, охрану прав граждан и условия их реализации, точное исполнение обязанностей должностными лицами и органами, осуществляющими уголовно-процессуальную деятельность. «Иными словами, уголовно-процессуальные гарантии – это установленные законом средства и способы, содействующие успешному осуществлению правосудия, защите прав и законных интересов личности»⁴.

П.А. Лупинская полагает, что процессуальные гарантии – это содержащиеся в нормах права правовые средства, обеспечи-

---

¹ Добровольская Т.Н. Гарантии прав граждан в уголовном судопроизводстве // Советское государство и право. 1980. № 2. С. 133.

² Капинус Н.И. Процессуальные гарантии прав личности при применении мер пресечения в уголовном процессе: монография. М., 2007. С. 113.

³ Кобликов А.С. Судебная власть и процессуальные гарантии // Вестн. Верховного Суда СССР. 1991. № 8. С. 26; Малько А.В. Об ограничениях прав и свобод человека и гражданина в проекте Конституции РФ // Государство и право. 1993. № 3. С. 99.

⁴ Кожевников В.В. Проблема гарантий законности и правопорядка в современной теоретико-правовой мысли: критический анализ // Науч. вестн. Омской академии МВД России. 2008. № 4(31). С. 8.

вающие всем субъектам уголовно-процессуальной деятельности возможность выполнять обязанности, использовать предоставленные права для защиты и охраны прав и законных интересов¹.

М.С. Строгович, М.И. Суворов определяют процессуальные гарантии как установленные законом средства, при помощи которых участвующие в уголовном процессе граждане могут обеспечивать свои права и защищать их в случае их нарушения². По личному мнению М.С. Строговича, процессуальные гарантии можно представить как корреспондирующие обязанности лица, производящего предварительное расследование, прокурора и суда, порожденные наличием у граждан процессуальных прав³.

В ряде случаев уголовно-процессуальные гарантии определяются как установленные законом средства и способы охраны прав и законных интересов участников процесса, поэтому их называют процессуальными гарантиями прав личности⁴. В других случаях рассматриваемым средствам придают значение процессуальных гарантий, содействующих успешному осуществлению уголовно-процессуальной деятельности органов расследования, прокуратуры, суда⁵.

Изучение указанных научных определений гарантий посредством синтеза как метода научного познания позволяет сформулировать общие признаки процессуальных гарантий:

легитимность положения заинтересованных лиц, установление определенного законом порядка их действий;

совокупность взаимосвязанных элементов механизма ее реализации (условия, средства, методы и т.п.), установленных в нормативных правовых актах;

неукоснительное обеспечение защиты и самозащиты нарушенных прав и законных интересов.

---

¹ См.: *Уголовно-процессуальное право Российской Федерации* / под ред. П.А. Лупинской. М., 2000. С. 64 – 66.

² *Строгович М.С.* Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности. М., 1939. С. 83; *Суворов М.И.* Гарантии прав потерпевшего в уголовном процессе // *Формы защиты права и соотношение материального и процессуального в отдельных правовых институтах: межвузовский тематический сборник.* Калинин, 1977. С. 133.

³ *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. М., 1968. С. 56 – 58.

⁴ См. *Цыпкин А.Л.* Право на защиту в советском уголовном процессе. Саратов, 1959. С. 22.

⁵ См.: *Кожевников В.В.* Проблема гарантий законности и правопорядка в современной теоретико-правовой мысли: критический анализ // *Науч. вестн. Омской академии МВД России.* 2008. № 4(31). С. 8.

Таким образом, на основании изложенного автор определяет **процессуальную гарантию** как *предусмотренный правом определенный механизм (основания, условия, методы, средства, предпосылки и др.) обеспечения реализации прав, обязанностей и законных интересов определенных лиц с возможностью защиты и восстановления в связи с их нарушением или ограничением.*

Основополагающее значение уголовно-процессуальных гарантий для участников уголовного процесса заключается в том, что с их помощью заинтересованные лица получают реальную возможность осуществлять предоставленные им законом права и защищать имеющиеся у них интересы путем непосредственного участия в сфере уголовного преследования; в системе уголовного процесса механизм обеспечения их прав и законных интересов необходимо рассматривать как систему гарантий. Особо велико их значение на стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования, когда формируется доказательственная база уголовного дела, пределы доказывания которого впоследствии определяют результаты его рассмотрения по существу и в конечном итоге неизбежно влияют на вынесение правосудного, т.е. законного, обоснованного и справедливого решения по делу.

А.В. Кожин,
аспирант Академии
Генеральной прокуратуры
Российской Федерации

Вопросы взаимодействия юридической науки и практики в сфере экологии

Исследование и развитие экологического права как отрасли юридической науки осуществляется специализированными научными учреждениями. В системе Российской академии наук (далее – РАН) эти задачи призван решать Центр эколого-правовых исследований. В Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации функционирует Отдел аграрного, экологического и природоохранного законодательства. Одновременно значительный вклад в развитие данной отрасли науки вносят профессора и преподаватели спе-

специализированных кафедр юридических факультетов университетов и академий¹.

Задачи науки права окружающей среды определяются значением науки в развитии общества и государства и включают:

изучение национального права окружающей среды;

изучение зарубежного права окружающей среды;

изучение международного права окружающей среды;

выявление условий, обеспечивающих отвечающие интересам настоящего и будущих поколений распоряжение природными ресурсами, достижение целей рационального природопользования и охраны природы, соблюдение, охрану и защиту экологических прав и законных интересов физических и юридических лиц;

выработку предложений по совершенствованию права окружающей среды с учетом общественных потребностей и тенденций развития общества и государства.

Смысл развития права окружающей среды как науки заключается в использовании научных достижений в процессе совершенствования экологического законодательства, правоприменительной и правоохранительной практики². К сожалению, результаты науки права окружающей среды остаются недостаточно востребованными практикой Российского государства. Отсутствие интереса к научным рекомендациям характерно для всех ветвей власти, властных структур, специально уполномоченных государственных органов в области природопользования и охраны окружающей среды. Между тем наука права окружающей среды призвана стать ведущим фактором обеспечения экологического компонента в построении в России правового и социального государства.

В самом общем плане проблема взаимодействия юридической науки и практики в сфере экологии сводится к тому, что теоретические исследования призваны удовлетворять нужды практики, базироваться на ее материалах, а практика в свою очередь должна опираться на научно обоснованные рекомендации и выводы. Укрепление этих связей – важная закономерность эф-

---

¹ *Винокуров А.Ю.* Прокурорский надзор за исполнением законодательства об охране окружающей природной среды: учеб. пособие. М., 1996. С. 63 – 85 и др.; *Винокуров А.Ю.* Некоторые вопросы совершенствования методического обеспечения прокурорского надзора. В кн: «Проблемы совершенствования прокурорского надзора»: матер. науч.-практич. конференции. М., 1997. С. 152 – 156.

² *Кожин А.В.* Координация деятельности государственных органов власти по борьбе с экологической преступностью. В сб: Обеспечение национальной безопасности в экологической сфере (Правовой аспект). М., 2009. С. 90.

фективного управления и развития правовой системы общества в природоохранной сфере.

Рассмотрим формы взаимодействия юридической науки и практики в сфере экологии.

Во-первых, юридическая практика определяет цели и основные задачи исследования, выбор важных и актуальных направлений научного поиска. В процессе практической деятельности обычно обнаруживаются пробелы и противоречия законодательства в сфере экологии, ошибки в его реализации, другие погрешности и негативные явления правового регулирования.

Во-вторых, организационно-практическая деятельность и накопленный правовой опыт составляют эмпирическую базу для науки. Фактический материал образует важную основу для описания, объяснения, обобщения, систематизации, выдвижения гипотез и установления тенденций развития изучаемых явлений, разработки понятий и создания теоретических конструкций, формулирования научных рекомендаций и предложений.

В-третьих, юридическая практика как разновидность социально-исторической практики выступает одним из важнейших критериев истинности, ценности и эффективности научных исследований. Жизненность тех или иных рекомендаций и выводов, их достоверность или ошибочность, полезность или вредность проверяются на практике.

Критерий практики, разумеется, нельзя абсолютизировать. Он никогда не может достаточно полно подтвердить или опровергнуть соответствующие теоретические положения и выводы, поскольку любая практика постоянно изменяется и развивается, представляя собой внутренне противоречивый процесс, обусловленный природными и социальными, объективными и субъективными, нормативными и другими факторами реальной действительности.

Юридическая наука призвана направлять организационно-практическую деятельность различных субъектов, изучать и корректировать формирующийся личный и социально-правовой опыт, способствовать выработке и реализации юридической политики в сфере экологии.

Правоведение призвано играть существенную роль в повышении правосознания и правовой культуры населения и должностных лиц, в деле правовой пропаганды и воспитания должного уважения к закону, праву, суду и иным правовым и социальным ценностям. Тесная связь юридической науки с практикой должна

обеспечиваться через расширение системы социальных заказов со стороны практических органов на исследование актуальных проблем, активизацию участия ученых в подготовке проектов законов и иных правовых актов, проведении экспертиз, научно-практических конференций и т.п.

С целью повышения эффективности юридической науки необходимо создать четкий организационно-правовой механизм внедрения результатов теоретических исследований в конкретную практику. Разработка такого механизма – одна из важнейших задач юридической науки.

Экологическое право как самостоятельная учебная дисциплина стала развиваться в России с 1992 г. На ряде кафедр и факультетов высших учебных заведений одновременно преподаются экологическое, природоресурсное, земельное право. Предметом экологического права являются отношения по природопользованию и охране окружающей среды от вредных воздействий. Такой подход к организации преподавания вполне оправдан и связан со стремлением дать достаточно глубокие знания как по отрасли в целом, так и по ее структурным частям. В этом случае программа экологического права может включать в основном общую часть, а природоресурсного – особенную. Следует обратить внимание на тот факт, что земельное право никогда не входило в состав экологического права и развивается самостоятельно. Вместе с тем необходимо акцентировать внимание на то, что в экологическом праве присутствует в качестве самостоятельной темы вопрос правового режима использования и охраны земель, поскольку земля согласно ст. 9 Конституции России признается природным ресурсом.

Преподавание экологического права имеет свои конкретные задачи. Они определяются потребностями общества и государства в подготовке юристов-экологов, обладающих современными знаниями в данной сфере. В свою очередь, юристы-экологи призваны сыграть существенную роль в обеспечении экологического компонента развития России как правового и социального государства. Общая потребность Российского государства в юристах-экологах определяется потребностями органов законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти в обеспечении их оптимального функционирования и решения специфических задач в области природопользования, охраны окружающей среды и защиты экологических прав. Как уже было отмечено, в настоящее время органы государственной власти, а также предприятия почти не имеют высо-

коквалифицированных юристов-экологов. Проблема усугубляется тем, что в стране пока не осознана и потребность в них.

Экологическое право как учебную дисциплину важно оценивать с учетом качества учебных программ и уровня знаний выпускаемых юристов. Сегодняшнее российское экологическое право существенно отличается от экологического права совсем недавнего советского периода. Хотя в целом право окружающей среды России значительно отстает от общественных потребностей, в определенной мере в современном динамично развивающемся законодательстве об окружающей среде находят отражение положительные изменения, происходящие в политической, экономической и социальной сферах российского общества¹.

На формирование учебных программ по праву окружающей среды определенное влияние оказывает факт вхождения России в мировое правовое пространство и сближение ее права с европейским, а также с правом других наиболее развитых стран мира. Одним из критериев оценки качества принимаемого законодательства служит его соответствие мировым стандартам. Использование зарубежного опыта важно не только в законотворчестве, но и в преподавании курса с учетом того существенного обстоятельства, что законодательное регулирование охраны окружающей среды в европейском регионе и в других наиболее развитых странах мира является более совершенным, чем отечественное, и оно в основном оправдало себя на практике. При определении методики преподавания курса экологического права необходимо учитывать тенденции развития права окружающей среды в стране и его содержание, острую потребность в юристах-экологах, обладающих всесторонними знаниями современного российского и зарубежного экологического права, а также международного права окружающей среды. В процессе изучения курса важно проводить анализ проблем реализации норм права².

В России получают развитие правовые основы экологического образования. При этом вопросы взаимодействия юридической науки и правоприменительной практики в природоохранной сфере требуют дальнейшего обсуждения.

---

¹ *Кожин А.В.* Развитое природоохранное законодательство – гарант эффективной борьбы с правонарушениями в сфере экологии, фактор экологического возрождения России. В сб. Актуальные вопросы права и законности: материалы «круглого стола» студентов и аспирантов 18.03.2010. М., 2010. С. 49.

² *Бринчук М.М.* Юридическое экологическое образование в аспекте развития права окружающей среды // Государство и право. 1995. № 10; 1996. № 8.

Ж.К. Конярова,
старший научный сотрудник НИИ
Академии Генеральной прокуратуры
Российской Федерации,
кандидат юридических наук

Реализация дискреционных полномочий прокурора при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве

Федеральным законом от 29.06.2009 № 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» в отечественное уголовное и уголовно-процессуальное законодательство введен неизвестный до этого в Российской Федерации институт досудебного соглашения о сотрудничестве¹.

Несмотря на то что «процедура заключения досудебного соглашения о сотрудничестве разработана с учетом многолетнего положительного опыта применения аналогичных правовых институтов в других государствах»², в настоящее время возникает немало вопросов при применении соответствующих норм закона. К одним из дискуссионных, на наш взгляд, следует отнести вопрос о реализации дискреционных полномочий прокурора при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве.

Проблемы, связанные с понятием «дискреционные полномочия», являются актуальными в современных условиях становления гражданского общества и правового государства, особенно с учетом норм международного и национального права. Определение дискреционных полномочий прокурора отвечает наметившейся в последние годы тенденции гуманизации уголовной политики государства.

В свою очередь, институт досудебного соглашения о сотрудничестве как соглашения между стороной обвинения и стороной защиты является проявлением некоего диспозитивного начала в уголовном судопроизводстве.

Дискреционные полномочия представляют собой право, свободу усмотрения их обладателя поступать тем или иным образом в целях наиболее успешного и эффективного выполнения

---

¹ СЗ РФ. 2009. № 26. Ст. 3139.

² Шаталов А.С. Досудебное соглашение о сотрудничестве – новый институт российского уголовного судопроизводства // Право. 2009. № 4. С. 52.

возложенной на него функции¹. При этом под дискреционными полномочиями прокурора мы понимаем предоставленные прокурору правомочия принимать законные решения по вопросам права, возможность принятия которых вытекает из общих и лишь относительно определенных указаний закона с учетом конкретных обстоятельств дела в целях наиболее эффективного осуществления уголовного судопроизводства.

Сущность дискреционных полномочий при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве составляет право прокурора решать вопрос о заключении такового при наличии в этом целесообразности. При этом вопрос о целесообразности должен решаться в каждом конкретном случае с учетом анализа совокупности обстоятельств: значимости сообщаемой подозреваемым (обвиняемым) информации, реальности выполнения условий досудебного соглашения о сотрудничестве, обстоятельств совершения преступления, личности подозреваемого (обвиняемого), его роли в составе организованной преступной группы и т.д.

При этом дискреционные полномочия прокурора в безусловном порядке сочетаются с универсальным общеправовым принципом законности, в соответствии с которым прокурор осуществляет свою деятельность в уголовном процессе.

Несмотря на то что принятием Федерального закона от 05.06.2007 №87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» полномочия прокурора по осуществлению уголовного преследования в ходе досудебного производства по уголовному делу существенно ограничены, именно прокурору как должностному лицу, на которое в соответствии со ст. 21 и 37 УПК РФ возложено осуществление уголовного преследования от имени государства по уголовным делам публичного и частно-публичного обвинения, предоставлено полномочие по заключению с подозреваемым, обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве (ст. 317³ УПК РФ, п. 1.1, 1.4 приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 15.03.2010 № 107 «Об организации работы по реализации полномочий прокурора при заключении с подозреваемыми (обвиняемыми) досудебных соглашений о сотрудничестве по уголовным делам»).

---

¹ Гулиева Н.И. Проблемы реализации принципа дискреционного уголовного преследования в российском и зарубежном уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2004.

Однако при этом необходимо учитывать обстоятельства, предшествующие заключению досудебного соглашения о сотрудничестве. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 317¹ УПК РФ ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве подается подозреваемым (обвиняемым) в письменном виде на имя прокурора через следователя.

Следователь, получив указанное ходатайство, в течение трех суток направляет его прокурору вместе с согласованным с руководителем следственного органа мотивированным постановлением о возбуждении перед прокурором ходатайства о заключении с подозреваемым или обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве либо выносит постановление об отказе в удовлетворении ходатайства о его заключении.

Согласно ч. 4 ст. 317¹ УПК РФ постановление следователя об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения может быть обжаловано подозреваемым (обвиняемым), его защитником руководителю следственного органа, который по результатам рассмотрения жалобы принимает соответствующее решение: выносит постановление о полном или частичном удовлетворении жалобы либо об отказе в ее удовлетворении в порядке, предусмотренном ст. 124 УПК РФ. При удовлетворении жалобы на решение следователя об отказе в возбуждении перед прокурором ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве руководитель следственного органа в соответствии с ч. 3 ст. 39 УПК РФ дает указание следователю о вынесении постановления о возбуждении перед прокурором соответствующего ходатайства¹.

Несмотря на то что в Законе прокурор не указан в числе должностных лиц, уполномоченных рассматривать жалобу подозреваемого, обвиняемого на решение следователя, в п. 1.3 приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 15.03.2010 № 107 указано, что такие жалобы подлежат рассмотрению в порядке, предусмотренном ст. 123 и 124 УПК РФ. Указанное положение приказа восполняет законодательное упущение.

Прокурор в данной ситуации не ограничивает процессуальную самостоятельность следователя и руководителя следственного органа, не проявляет необоснованное вмешательство в тактику предварительного расследования, а реализует свои дискреционные полномочия, действуя в целях обеспечения защиты прав участников уголовного судопроизводства и строгого исполнения норм

---

¹ Халиулин А., Буланова Н., Конярова Ж. Полномочия прокурора по заключению досудебного соглашения о сотрудничестве // Уголовное право. 2010. № 3. С. 99.

УПК РФ, регламентирующих порядок заключения досудебного соглашения о сотрудничестве.

Постановление о возбуждении ходатайства о заключении досудебного соглашения может быть направлено следователем прокурору только с согласия руководителя следственного органа, и отказ последнего в даче такого согласия исключает дальнейшее обращение следователя к прокурору. При этом ч. 4 ст. 317¹ УПК РФ предусматривает только порядок обжалования постановления следователя об отказе в удовлетворении ходатайства. Однако это не исключает, по нашему мнению, возможность обжалования и отказа руководителя следственного органа в даче согласия на обращение с соответствующим ходатайством к прокурору. Это прямо следует из предписаний ст. 123 УПК РФ и приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 30.01.2008 № 15 «О порядке рассмотрения жалоб на действия (бездействие) и решения органа дознания, дознавателя, следователя, руководителя следственного органа и прокурора». При этом полагаем, что такое обжалование возможно как вышестоящему руководителю следственного органа, так и прокурору, уполномоченному в соответствии со ст. 124 УПК РФ рассматривать жалобы на любые действия (бездействие) и решения следователя и руководителя следственного органа.

Именно такое системное толкование норм Закона отвечает, по нашему мнению, процессуальному положению прокурора как лица, надзирающего за законностью при осуществлении предварительного расследования и обязанного осуществлять от имени государства уголовное преследование по уголовным делам публичного и частно-публичного обвинения (ч. 1 ст. 21, 37 УПК РФ).

В противном случае возможна ситуация, когда прокурор узнает о ходатайстве подозреваемого (обвиняемого) о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве лишь при утверждении обвинительного заключения по уголовному делу. При этом прокурор в соответствии с действующим законодательством в этой ситуации лишен права реально повлиять на возможность заключения досудебного соглашения о сотрудничестве даже в том случае, если оно представляет определенный интерес для стороны обвинения и заслуживает удовлетворения. Прокурор вправе лишь направить требование руководителю следственного органа об устранении нарушений федерального законодательства (п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ), что вряд ли сможет кардинально изменить ситуацию.

При решении вопроса о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве «прокурору следует учитывать, что заклю-

чение такого соглашения может предопределить ход и направление дальнейшего расследования по уголовному делу, соответствующее распределение сил и средств органа предварительного следствия и органа, осуществляющего оперативное сопровождение»¹.

В связи с тем, что обязательным условием заключения досудебного соглашения о сотрудничестве является возможность и желание подозреваемого (обвиняемого) совершить действия в целях содействия следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления; в своем ходатайстве подозреваемый (обвиняемый) обязан указать, какие действия он обязуется совершить в этих целях (ч. 2 ст. 317¹). Такая готовность сотрудничать со следствием должна объективно выражаться в конкретных действиях подозреваемого (обвиняемого), направленных на раскрытие и расследование преступления, совершенных до заключения досудебного соглашения (например, в даче показаний о его участии в преступной деятельности, сообщении сведений о соучастниках преступления и др.)². Наличие указанных обстоятельств позволяет исключить заключение фиктивных соглашений о сотрудничестве, преследующих цель создания для подозреваемого (обвиняемого) наиболее благоприятных условий в ходе расследования (например, избрание меры пресечения, не связанной с лишением свободы) при отсутствии реальной возможности или намерений выполнять условия соглашения. Установление обстоятельств, свидетельствующих о невозможности или о нежелании выполнения подозреваемым (обвиняемым) обязательств по сотрудничеству со следствием, является основанием для отказа прокурором в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (п. 2 ч. 1 ст. 317² УПК РФ).

С учетом изложенного полагаем, что при решении вопроса о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве прокурору не следует ограничиваться изучением только постановления следователя и ходатайства подозреваемого (обвиняемого), ему надлежит изучить и материалы уголовного дела, необходимые

---

¹ Горюнов В. Новый правовой институт // Законность. 2010. № 5. С. 41.

² При этом следует учитывать, что в соответствии с ч. 4 ст. 317⁶ УПК РФ сообщение подозреваемым, обвиняемым сведений о его собственном участии в преступной деятельности не является предметом досудебного соглашения о сотрудничестве.

для принятия законного и обоснованного решения по рассматриваемому вопросу (ч. 1 ст. 317² УПК РФ). Запрашиваемые прокурором материалы должны быть предоставлены ему в соответствии с ч. 2.1 ст. 37 УПК РФ.

Поскольку заключение досудебного соглашения о сотрудничестве влечет существенные правовые последствия, причем как для стороны обвинения, так и для стороны защиты, прокурор на основе изученных материалов в каждом конкретном случае решает вопрос о целесообразности заключения соглашения с подозреваемым (обвиняемым), реализуя свои дискреционные полномочия, так как «заключение досудебного соглашения о сотрудничестве – это право, а не обязанность прокурора»¹.

Именно к вопросу реализации дискреционных полномочий прокурора следует, на наш взгляд, отнести и право прокурора о прекращении досудебного соглашения о сотрудничестве. В случае, если подозреваемый (обвиняемый) не исполняет принятые на себя обязательства по содействию следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого преступным путем, прокурор с учетом мнения следователя в любой момент досудебного производства вправе принять решение о прекращении действия досудебного соглашения о сотрудничестве, оформив свое решение в соответствии с п. 25 ст. 5 УПК РФ мотивированным постановлением (п. 1.16 приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 15.03.2010 № 107 и приложение № 4 к нему).

Данные положения следуют, по нашему мнению, из правовой природы досудебного соглашения о сотрудничестве (п. 61 ст. 5 УПК РФ) как соглашения между сторонами обвинения и защиты, в котором указанные стороны согласовывают условия ответственности подозреваемого или обвиняемого в зависимости от его действий после возбуждения уголовного дела или предъявления обвинения. Вследствие того, что именно прокурор как представитель стороны обвинения принимает решение о заключении досудебного соглашения, в случае уклонения подозреваемым или обвиняемым от исполнения взятых на себя обязательств он вправе решать вопрос о прекращении действия этого соглашения, учитывая при этом мнение следователя по данному вопросу.

О фактах неисполнения условий заключенного досудебного соглашения о сотрудничестве прокурору может стать известно и по

---

¹ Горюнов В. Указ. соч. С. 41.

завершении предварительного расследования при изучении уголовного дела, поступившего к нему с обвинительным заключением. В соответствии со ст. 317⁵ УПК РФ прокурор проверяет соблюдение обвиняемым условий выполнения обязательств, предусмотренных досудебным соглашением о сотрудничестве, и в случае их исполнения выносит представление об особом порядке проведения судебного заседания и вынесения судебного решения по конкретному уголовному делу. Данное полномочие также следует рассматривать как реализацию дискреционных полномочий прокурора, так как прокурор на основе изучения материалов уголовного дела оценивает характер и пределы содействия обвиняемого следствию, соблюдение условий досудебного соглашения о сотрудничестве, достижение цели такого сотрудничества, а также иные обстоятельства, предусмотренные ч. 1 ст. 317⁵ УПК РФ.

Тщательное изучение прокурором материалов уголовного дела необходимо в соответствии с ч. 2 ст. 317⁵ УПК РФ для удостоверения полноты и правдивости сведений, сообщенных обвиняемым в ходе предварительного расследования. Установив, что следствие по уголовному делу проведено с соблюдением требований норм процессуального и материального уголовного закона, что обвинительное заключение соответствует материалам дела, и, придя на основании этого к убеждению в виновности обвиняемого, прокурор утверждает обвинительное заключение и направляет дело в суд (п. 1 ч. 1 ст. 221 УПК РФ). Одновременно с утверждением обвинительного заключения прокурор в соответствии с ч. 1 ст. 317⁵ УПК РФ выносит представление об особом порядке проведения судебного заседания и вынесения судебного решения.

Когда условия досудебного соглашения о сотрудничестве оказались не выполнены, содействие раскрытию и расследованию преступления фактически отсутствовало, и обвиняемый ограничился сообщением сведений о его собственном участии в преступной деятельности, не способствовал выявлению других эпизодов и изобличению соучастников преступлений (ч. 4 ст. 317⁶ УПК РФ), прокурор принимает решение об отказе в вынесении представления в форме постановления, копия которого с разъяснением порядка его обжалования направляется обвиняемому и его защитнику.

Таким образом, реализация дискреционных полномочий прокурора при заключении с подозреваемым (обвиняемым) досудебного соглашения о сотрудничестве означает, что прокурор в каждом конкретном случае самостоятельно решает вопрос о целесообразности заключения такового и необходимости его расторжения.

А.А. Кунашев,
аспирант Академии
Генеральной прокуратуры
Российской Федерации

К вопросу определения понятия «мотив преступления»

Проблемы мотивации поведения человека привлекают внимание ученых разных отраслей науки – философии, психологии, юриспруденции. И это естественно, так как через исследование этой категории, выяснение того, что собой представляет мотив поведения можно раскрыть закономерности явлений, которые детерминируют деятельность человека.

Уголовно-правовой аспект исследуемой проблемы заключается в том, что мотив является признаком субъективной стороны преступления и от его правильного определения зависят квалификация общественно опасного деяния и назначение справедливого наказания.

Понятие мотива преступления в уголовном праве России является дискуссионным. Вызвано это, с одной стороны, отсутствием единой и непротиворечивой теории мотивации в психологии. Достаточно сказать, что подобных теорий только в зарубежной психологической науке насчитывается около полусотни¹. С другой стороны, следует отметить, что УК РФ не содержит дефиниции мотива преступления. В Законе лишь перечисляются некоторые мотивы: мотив сострадания (п. «д» ч. 1 ст. 61); корыстные побуждения (п. «з» ч. 2 ст. 105; ст. 153; п. «з» ч. 2 ст. 126); корыстная или иная личная заинтересованность (ст. 170; ст. 292); хулиганские побуждения (п. «и» ч. 2 ст. 105; п. «д» ч. 2 ст. 111); мотив политической, идеологической, расовой, национальной, религиозной ненависти или вражды (п. «е» ч. 1 ст. 63; п. «л» ч. 2 ст. 105); мотив кровной мести (п. «е»¹ ч. 2 ст. 105) и др.

Таким образом, законодатель при описании мотивов преступлений, во-первых, перечисляет конкретные их виды; во-вторых, использует для обозначения мотивов разные термины, что затрудняет применение этой категории в уголовном праве. Поэтому представляется правильным введение единого термина «мотив».

Мотив в первую очередь – категория психологическая. Однако, как верно отмечают многие видные криминалисты, это не

---

¹ Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб., 2008. С. 18.

должно освобождать науку уголовного права от изучения данного явления¹.

В юридической литературе предпринимались неоднократные попытки сформулировать понятие мотива преступления. Так, В.Д. Гольдинер рассматривал мотив как «еще неопределенное влечение, стремление, являющееся исходным побуждением к действию»². Некоторые ученые связывают мотив преступления только с чувствами, эмоциональной стороной преступления³. Иную позицию занимает И.Г. Филановский, относя к мотиву «осознанный и конкретно определенный интерес, побудивший к совершению общественно опасного деяния»⁴. Встречается в литературе определение мотива как суждения о ценности поступка, его необходимости и целесообразности, которое побуждает субъекта к деятельности⁵. По мнению Б.С. Волкова, мотив есть то, что, отражаясь в сознании человека, побуждает его совершить преступление⁶.

Расхождения в понимании определения мотива преступления свидетельствуют об отсутствии общепринятого понятия этого признака субъективной стороны преступления.

И все же, несмотря на столь различные формулировки, большинство исследователей признают, что мотив – это побуждение человека к действию. Определение мотива как побуждения, придание ему движущей силы связано со смысловым содержанием этого термина, который происходит от латинского слова «*моуео*», что в переводе означает «приводить в движение».

Признавая за мотивами побудительную функцию, ученые расходятся во взглядах на то, что лежит в их основе.

---

¹ Волков Б.С. Проблема воли и уголовная ответственность. Казань, 1965. С. 56, 57; Филановский И.Г. Социально-психологическое отношение субъекта к преступлению. Л., 1970. С. 41; Капинус О.С. Убийства: мотивы и цели. М., 2004. С.13, 14.

² Гольдинер В.Д. Мотив преступления и его значение в советском уголовном праве // Советское государство и право. 1958. № 1. С. 44.

³ Харазишвили Б.В. Вопросы мотива поведения преступника в советском уголовном праве. Тбилиси, 1963. С.44; Браинин Я.М. Основания уголовной ответственности и важнейшие вопросы учения о составе преступления в советском уголовном праве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 1963. С.27; Лобанов В.А. Мотив и цель при хищении социалистического имущества // Вопросы советского права и законности на современном этапе. М., 1965. С.250.

⁴ Филановский И.Г. Указ. соч. С.35.

⁵ Овчинников Б.Д. К определению понятий мотивам и цели // Правоведение. 1970. №4. С.109.

⁶ Волков Б.С. Указ. соч. С.67.

По общему определению психологов мотивация связана в первую очередь с потребностями лица, под которыми понимают состояние нужды человека в определенных условиях, которых ему недостает для нормального существования и развития¹. Наиболее элементарными потребностями человека являются влечения, которые ближе всего стоят к инстинктам. По источнику происхождения потребности делят на биологические (в жилище, еде и т. п.) и социальные (духовные).

Анализируя роль потребностей, их характер и специфику в преступном поведении, многие юристы отмечают, что чаще всего в основе мотивации криминальных действий лежат деформированные, извращенные (патологические) потребности². Эти потребности создают определенное эмоциональное напряжение, побуждая лицо к его снятию, удовлетворению противоправным способом. Среди таких потребностей отмечают стяжательство, жажду наживы, агрессивность, извращенную сексуальность. К ним можно отнести и необходимость (привычку) употребления алкогольных напитков, наркотиков, которые представляют собой ложные потребности, или по-другому квазипотребности.

Однако сведение всех потребностей, присущих личности преступника, только к извращенным было бы неправильно. Мотивы преступлений могут быть обусловлены и нормальными, социально нейтральными и даже социально одобряемыми потребностями, однако для их удовлетворения был избран криминальный путь.

Признавая за потребностью доминирующее положение среди других мотивообразующих факторов, было бы ошибкой, на наш взгляд, ею ограничиваться. Правы те психологи и ученые-юристы, которые наряду с потребностью объясняют происхождение мотивов и другими компонентами. Б.В. Ломов верно заметил, что «в исследовании психических явлений попытка искать

---

¹ Немов Р.С. Психология: учеб. для студентов высших педагогических учебных заведений. В 2-х кн. Кн. 1. Основы общей психологии. М., 1995. С. 392.

² Волков Б.С. Мотивы преступлений (Уголовно-правовое и социально- психологическое исследование). Казань, 1982. С. 18; Дремова Н.А. Мотив и цель в преступлениях несовершеннолетних: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1972. С. 72; Игошев К.Е. Типология личности преступника и мотивация преступного поведения. Горький, 1974. С. 81; Кудрявцев В.Н. Криминологическое значение потребностей // Советское государство и право. 1973. №7. С. 48.

одну единственную детерминанту того или иного явления – это тупиковый путь»¹.

Помимо потребностей большое мотивирующее значения имеют интересы.

В научной литературе нет единства в определении этого понятия. Мы поддерживаем определение интереса как избирательное, специфическое отношение личности к объекту, вызванное сознанием его жизненного значения и эмоциональной привлекательностью².

Интересы, так же как и потребности, бывают материальные и духовные. Они тесно связаны с потребностями, поскольку возникают непосредственно из них. Не было бы потребностей – главных факторов, мотивирующих поведение человека, не было бы и интересов, направленных на поиск способов их удовлетворения. Однако отождествлять эти категории нельзя. Еще С.Л. Рубинштейн заметил, что попытка свести интерес к потребности, определив его исключительно как осознанную потребность, несостоятельна. «Осознание потребности может вызвать интерес к предмету, способному его удовлетворить, но неосознанная потребность как таковая является все же потребностью (переходящей в желание), а не интересом»³.

Тем не менее в юридической литературе нередко можно встретить высказывания, сводящиеся к тому, что только потребность является причиной человеческой активности, все же другие психические образования являются ее модификациями⁴. Однако тот факт, что интересы и иные феномены основаны на потребностях, вовсе не означает, что между ними можно ставить знак равенства – это различные явления. В этом смысле С.А. Тарарухин очень точно отметил, что объяснить любое преступление одними потребностями или противоправными способами их удовлетворения невозможно: «Если бы мотивы преступлений определялись только потребностями, то достаточно было бы изменить их содержание, чтобы ликвидировать основу преступности»⁵.

---

¹ Ломов Б.Ф. Методологические и психологические проблемы психологии. М., 1986. С. 45.

² Платонов К.К. Структура и развитие личности. М., 1986. С. 350.

³ Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб., 2008. С. 525.

⁴ Иванов Н.Г. Аномальный субъект преступления. Проблемы уголовной ответственности. М., 1998. С.54.

⁵ Тарарухин С.А. Преступное поведение. Социальные и психологические черты. М., 1974. С. 50.

Уголовный кодекс Российской Федерации иногда выделяет интересы лица в качестве мотивов преступления. Так, при регистрации незаконных сделок с землей (ст. 170), нарушении правил изготовления и использования государственных пробирных клейм (ст. 181), злоупотреблении должностными полномочиями (ст. 285) и ряде других составов специальными мотивами являются корыстные или иные личные интересы (заинтересованность).

Как бы не была значима роль потребностей и интересов в формировании мотивов, одними этими компонентами субъективные причины человеческой активности не ограничиваются.

Пожалуй, наиболее дискуссионным вопросом в области мотивации как в общей психологии, так и правовой науке является вопрос о роли эмоций, чувств в этом процессе. Мы поддерживаем тех ученых, которые помимо потребностей и интересов отводят указанным явлениям большое значение в детерминации поведения человека (в том числе противоправного)¹.

Нередко эмоции и чувства рассматриваются в научной литературе лишь как фон, на котором проходит мотивационный процесс, как психические переживания, которые отражают процесс удовлетворения потребностей. Мы полагаем, что это существенным образом сужает значение эмоций в мотивационном процессе, что отмечают некоторые психологи².

Что же представляют собой эмоции и чувства?

Эмоции, как и ощущения, это базовые понятия психики. В широком смысле эмоции в психологии определяются как особый класс субъективных психологических состояний, отражающих в форме непосредственных переживаний, ощущений приятного или неприятного, отношения человека к миру и людям, процесс и результаты его практической деятельности³. В узком смысле под эмоциями (низшими эмоциями) понимают или простейшие переживания, возникающие при удовлетворении (или неудовлетворении) органических потребностей, или конкретную форму протека-

---

¹ См. напр.: *Вилюнас В.К.* Психология развития мотивации. СПб., 2006. С. 61 – 72; *Якобсон П.М.* Психологические проблемы мотивации человека. М., 1969. С. 20, 21; *Кудрявцев В.Н.* Борьба мотивов в преступном поведении. М., 2007. С. 25 – 27; *Наумов А.В.* Мотивы убийств: учеб. пособие. 1969. С. 12, 13; *Петелин Б.Я.* Психологическая структура мотивов преступления // Правоведение. 1978. № 1. С. 94 – 100; *Тарарухин С.А.* Установление мотива и квалификация преступления. Киев, 1977. С.10.

² См. напр.: *Вилюнас В.К.* Психология эмоциональных явлений. М., 1991. С.54, 55.

³ *Немов Р.С.* Указ. соч. С.367.

ния психического процесса переживания чувств, где их признаки выступают особенно отчетливо. Чувства же, которые представляют собой высшие эмоции – «одна из основных форм переживания человеком своего отношения к предметам и явлениям действительности, отличающаяся относительной устойчивостью»¹.

Из криминологов, по нашему мнению, наиболее обстоятельно проанализировал значение эмоций и чувств для уголовного права Б.Я. Петелин. Отмечая большое влияние, которое оказывают на мотивационный процесс потребности и интересы, ученый пришел к обоснованному выводу о многофункциональности чувств и эмоций личности в преступном поведении: «Они могут быть мотивом преступного поведения и как таковые подлежат установлению по делу, непосредственно определяя квалификацию преступления. Кроме того, чувства могут выступать как сопутствующие переживания личности, как эмоциональный фон поведения и не иметь влияния на квалификацию преступления. Наконец, они могут выступать в форме психических состояний (например, сильное душевное волнение) или специфических факторов преступного поведения (особая жестокость и т.п.)»².

В пользу точки зрения, что чувства помимо потребностей и интересов могут быть непосредственной причиной преступного поведения и выступать относительно самостоятельным мотивообразующим фактором, свидетельствует и анализ уголовного законодательства.

Например, УК РФ выделяет такие мотивы преступлений, как сострадание (п. «д» ч. 1 ст. 61), политическая, идеологическая, расовая, национальная, религиозная ненависть или вражда, ненависть или вражда в отношении какой-либо социальной группы (п. «л» ч. 2 ст. 105), месть (ст. 295) и т.д., которые представляют собой не что иное, как чувства. Таким образом, именно на основе чувств, интересов и потребностей, фундаментальным из которых является потребность, формируется мотив поведения (преступления).

---

¹ *Психология: словарь* / под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М., 1990. С. 445.

² *Петелин Б.* Психологические факторы в преступном поведении // Советская юстиция. 1972. С.16. Полагаем, что Б.Я. Петелин здесь не корректно определил сильное душевное волнение и другие состояния психики как чувства. Аффект, особая жестокость и т.д. – это не чувства, а эмоциональные состояния, поэтому правильнее было бы говорить о разном уголовно-правовом значении эмоций (в широком смысле слова).

Следует отметить и то обстоятельство, что было бы неправильно сводить содержание мотива лишь к тому или иному психическому феномену (чувствам, интересам, потребностям). Каждое из них относительно автономно, имеет специфическое содержание и выполняет свои функции.

Отмечая большую побудительную силу рассмотренных факторов, необходимо обратить внимание, «что сами по себе потребности, интересы, чувства и другие элементы психологической жизни человека мотивами не являются до тех пор, пока они не приобретут значения побуждения к конкретному поступку»¹. Это в свою очередь возможно, если данные компоненты «определяются», т.е. найдут свой предмет, который может удовлетворить, утолить возникшее побуждение.

В свою очередь потребность и иные внутренние компоненты поведения «опредмечиваются» путем постановки цели. Цель преступления – «это мысленная модель будущего результата, к достижению которого стремится лицо при совершении преступления»². Мотив и цель не просто связаны между собой, но и взаимообусловлены – это коррелятивные компоненты мотивации. Однако эти категории не следует смешивать, что иногда происходит в правоприменительной практике и юридической литературе. Если мотив отвечает на вопрос, почему человек совершил тот или иной поступок, то цель – для чего он его совершил. Цель является тем вектором, который указывает направление действий и усилий человека.

Итак, мотив преступления как разновидность мотива человеческого поведения имеет сложную социально-психологическую структуру и содержание.

Мы уже приводили наиболее предпочтительные, на наш взгляд, определения мотива преступления. Следует отметить, что в современной научной и учебной юридической литературе мотив преступления часто определяется как обусловленные определенными потребностями и интересами внутренние побуждения, которые вызывают у лица решимость совершить преступление и которыми оно руководствовалось при его совершении³.

---

¹ Криминальная мотивация. М., 1986. С.13.

² Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. А.И. Рапога. М., 2008. С. 106.

³ Уголовное право России. Общая часть: учеб. для вузов / под ред. Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой. М., 2004. С. 291; Рапог А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. СПб., 2003. С. 139.

Поддерживая в целом это определение, хотелось бы отметить, что в нем не отражена побудительная роль чувств, имеющих в некоторых случаях важное мотивообразующее значение.

Принимая во внимание изложенное, приходим к следующим выводам. Во-первых, сущность мотива преступления заключается в том, что оно побуждает индивида к совершению преступного деяния, является своего рода его внутренним источником, субъективной причиной. Во-вторых, в основе мотива лежат такие психологические феномены, как потребности, интересы и чувства, среди которых потребности имеют фундаментальный характер. В-третьих, побуждение приобретает характер мотива только тогда, когда оно «опредметилось» и когда поставлена цель. В-четвертых, мотив тесно связан с целью, однако каждый из этих признаков самостоятельно входит в субъективную сторону состава преступления.

С учетом проведенного психолого-правового анализа, мы полагаем, что мотив преступления можно определить как основанное на потребностях, интересах и чувствах внутреннее побуждение, которым руководствовалось лицо при совершении преступления.

Содержание

Вступительное слово проректора по научной работе Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, доктора юридических наук О.С. Капинус.....	3
<i>Басулин Е.А.</i> Проблемы взаимодействия прокурора, органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, и органов предварительного расследования при выявлении преступлений коррупционной направленности.....	4
<i>Беломестнова К.С.</i> Отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством: понятие и уголовно-правовое значение.....	11
<i>Бельский К.Е.</i> Основные проблемы применения уголовной ответственности за преступления, совершаемые в исключительной экономической зоне и на континентальном шельфе Российской Федерации	17
<i>Богомолов Н.С.</i> Институт отрешения от должности в субъектах зарубежных федеративных государств.....	23
<i>Боков Д.К.</i> Гражданский иск прокурора в защиту интересов государства в уголовно-процессуальном законодательстве России.....	28
<i>Борисова Л.В.</i> Дискуссия о начале возникновения правоспособности физических лиц.....	33
<i>Буренина О.В.</i> Защита чести и достоинства личности в уголовном процессе: история и современность.....	39
<i>Великая Е.В.</i> Право подсудимого на судебное разбирательство в разумные сроки.....	44
<i>Гребенюк О.Б.</i> Законодательная детерминация понятия «обманутые дольщики» в реализации надзорной функции прокуратуры при защите их прав.....	49
<i>Гузеева О.С.</i> Защита пользователей сети Интернет от нелегального контента.....	54

<i>Джонаков А.А.</i> О многообразии понятия «уголовное преследование» в уголовном судопроизводстве.....	60
<i>Ережипалиев Д.И.</i> Действия и решения прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением.....	65
<i>Изгагина Т.Ю.</i> Проблемные вопросы отказа государственного обвинителя от обвинения по уголовному делу.....	70
<i>Какителашвили М.М.</i> Прокурорский надзор за исполнением законов избирательными комиссиями.....	77
<i>Камчатов К.В.</i> Понятие, содержание и значение процессуальных гарантий участников уголовного процесса.....	82
<i>Кожин А.В.</i> Вопросы взаимодействия юридической науки и практики в сфере экологии.....	86
<i>Конярова Ж.К.</i> Реализация дискреционных полномочий прокурора при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве.....	91
<i>Кунашев А.А.</i> К вопросу определения понятия «мотив преступления».....	98

**Актуальные проблемы
юридической науки и практики:
взгляд молодых ученых**

Сборник статей

Часть I

Редактор Т.Д. Четверикова
Корректор Т.Д. Баранова

Подписано в печать 01.06.2011. Формат 60х90/16. Печ.л. 6,75.
Тираж 50 экз. Заказ 25.

Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации
123022, Москва, ул. 2-я Звенигородская, 15